

Габриэл Сам

Шушья

16+

Габриэл Сам

Ничья

«Автор»

2019

Сам Г.

Ничья / Г. Сам — «Автор», 2019

Мальчик, юноша, молодой человек и зрелый мужчина являются героями историй, вошедших в данный сборник. Каждый из них со своими страстями, страхами и переживаниями предстаёт в отражении времени, которое в рассказах меняется от конца пятидесятих до сегодняшнего дня. «Кто ж их не любит?!» — говорит о женщинах герой рассказа «Ничья». И с ним, разумеется, не поспоришь. Однако на глубокое, обжигающее душу чувство способен не каждый. И тем оно ценнее, когда неожиданно возникает у циника в пятьдесят девять лет, изменив его отношение к жизни. В «сюжете для сценария» внезапно охватившее молодого человека неудержимое влечение и непростые обстоятельства, возникшие из-за вдруг разбушевавшейся стихии, приводят его в необычный городок, где игривые горожане втягивают мужчину в водоворот событий, заставляя пройти испытание и балансировать на грани жизни и смерти.

© Сам Г., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

В сборник входят: Ничья, Лето, Дукас, Встреча, След, Светлый, стихи

Ничья

Машина свернула с дороги и метров через двадцать остановилась перед шлагбаумом. Справа на газоне, под сводами раскидистой магнолии, возвышался прямоугольный камень, на котором было крупно высечено: НУАТТ. Подсвеченный снизу приглушённым светом камень ярко выделялся в ночной темноте. За шлагбаумом начиналась выложенная большими плитами дорога, уходящая вглубь тропического парка, в чреве которого располагались корпуса пятизвёздочного отеля. Вдоль узкого газона между двумя полосами дороги горели установленные в ряд на высоких ножках факелы. Их огни, петляя в гуще экзотических растений, таинственно терялись в глубине парка.

Марк и Оксана приехали сюда на такси из аэропорта Денпасар на юге острова Бали. Убогие постройки, мелькавшие за окном автомобиля на протяжении всего пути, показались им особенно жалкими после ослепительного Сингапура, в котором оба впервые оказались четыре дня назад. Утопающий в зелени Сингапур с великолепной современной архитектурой произвёл на них сильное впечатление, вполне оправдывая своё санскритское название – город-лев. Они провели здесь насыщенные дни, а накануне вылета на Бали отметили день рождения Марка в испанском ресторане, где смуглые мужчины пели под гитару, а жгучие испанки зажигательно исполняли фламенко.

С Оксаной Марк познакомился всего за три недели до этой поездки. Собственно, сама поездка стала следствием их знакомства. Произошло оно в середине января 2011 года в доме у его приятеля Леонида Кацмана – искусствоведа, коллекционера и знатока живописи. Лёня обычно приглашал Марка к себе домой, когда ему нужна была юридическая консультация по какой-нибудь сделке. Марк не осуждал его за меркантильность и ходил к нему с удовольствием. Эти визиты давали возможность познакомиться с интересными людьми, а главное – с молодыми женщинами, которые часто посещали дом Кацмана. Лёня был на пятнадцать лет моложе Марка, тоже холостой и тоже убеждённый в том, что брак только отравляет человеку жизнь. И что особенно радовало Марка, женщины в доме его приятеля не повторялись, каждый раз возникали новые знакомства. Однажды на его вопрос «Где ты их находишь?» Лёня ответил загадочно: «Сами появляются».

На Оксану нельзя было не обратить внимания. Если бы понадобилась демонстрация секс-бомбы, едва ли нашлась бы более выразительная кандидатура. Она являла собой яркое воплощение этого понятия: помимо длинных ног и идеальной фигуры, в её походке, взгляде, во всём её облике присутствовало нечто призывно соблазнительное, откровенно сексуальное, со щепоткой вульгарности. При том что сама Оксана не была вульгарна, впечатление это улетучивалось после нескольких минут общения с ней. Она вела себя естественно и зачастую прямолинейно, могла выразиться резко, но не умела кокетничать и фальшивить. Гармонию её внешности нарушало, пожалуй, лицо. Его нельзя было назвать некрасивым, однако портили близко поставленные глаза и широкие восточные скулы. Последние выдавали твёрдость характера.

Общаясь с ней, Марк выяснил, что она ни с кем из присутствующих мужчин ранее не была знакома.

– Оксана – твоя близкая подруга? – спросил он Лёню, акцентируя вопрос на слове «близкая».

– К сожалению, близость не состоялась. А сегодня она мне ясно дала понять, что и не состоится. Короче, отказала. Кстати, не только мне. Вообще с ней всё не так просто. Сибирячка, – завершил Кацман, очевидно, полагая, что этим всё сказано.

Марк весь вечер заливался соловьём перед Оксаной, а в конце предложил подвезти её домой. Когда они подъехали к дому, он вышел из машины, поцеловал ей ручку и произнёс стандартную фразу:

- Приятно было с вами познакомиться.
- Признаться, мне тоже, – сказала Оксана и неожиданно спросила: – Сколько вам лет? Марк сразу почувствовал себя стариком:
- Пока молодой, но через три недели исполнится пятьдесят девять.
- Вы на тридцать лет старше меня. Я это говорю не в упрёк вам, просто в последнее время замечаю странную закономерность. С каждым разом возраст провожающего меня мужчины увеличивается. Вы ведь решили приударить за мной?
- Что вы Оксана! Такое мне в голову не приходило, разве что... пару раз.
- Ха! Вы отличаетесь от других мужчин – более находчивы.
- Я постараюсь занять первое место среди них. Надеюсь, оно призовое?
- Она улыбалась:
- Если вы пригласите меня через три недели на свой день рождения, я, пожалуй, приду.
- Очень приятно это слышать. Я обещаю взять на себя все расходы по поездке.
- Оксана сделала круглые глаза:
- Какой поездке?
- Я родился зимой, но отмечать свой день рождения люблю в какой-нибудь тёплой стране. Например, в Таиланде или на Бали.
- Всех друзей приглашаете в Таиланд?
- Абсолютно всех.
- И что же, едут?
- Ни разу не поехали.
- Она рассмеялась:
- С вами действительно интересно.
- Оксана, я хочу пригласить вас послезавтра на концерт одной замечательной голландской саксофонистки. Она редко бывает в Москве, играет на саксофоне виртуозно и сама очаровательна. Я убеждён: вы получите удовольствие.
- Хорошо, – согласилась девушка и продиктовала номер телефона.
- Марк обещал через день позвонить.
- До встречи, Оксана!
- В ответ вдруг прозвучало:
- Целую в грудь! – что было признаком её расположения.
- От неожиданности Марк непроизвольно буркнул:
- Я тоже.
- «Какая непосредственность!» – подумал он.

Марк Львович Видакас был мужчина видный: высокий, крупный, но не полный, с редкими седеющими волосами, выразительными чертами лица и низким голосом. В последние годы у Марка появился небольшой живот, от которого он пытался избавиться с помощью еженедельной игры в теннис. Он не мог понять мужиков, ходивших на пляже в узких плавках с отвисшими сверху животами.

К своему туалету Марк относился критично: покупал одежду, обувь и нижнее бельё со вкусом, но без излишеств. Костюм должен был сидеть идеально, брюки – иметь ту длину, которая не позволяла им при ходьбе подниматься выше каблуков. Туфли подбирались под костюм. Каждое утро Марк перебирал галстуки, прежде чем находил подходящий. Экстравагантностью, однако, не страдал, предпочитал строгий стиль. Стрижке и бритью уделял должное внимание, тщательно выбирал туалетную воду. Марк снисходительно относился к лишенным вкуса собратьям по полу, но брезгливо – к тем, кто не имел представления об элементарной гигиене. Он считал, что именно эту науку следует изучать в школе в первую очередь. Как-то на работе он зашёл в туалет, когда все кабины оказались заняты. Марк подождал возле рукомойников.

Открылась дверь одной из кабин, оттуда вышел руководитель службы безопасности, бывший армейский генерал, и, не помыв рук, покинул туалет. Войдя после него в кабину, Марк брезгливо поморщился, вышел и стал ждать освобождения другой. Когда он минут через десять спустился в кафе пообедать, генерал, заметив его, подошёл и с улыбкой на лице протянул широкую ладонь. После рукопожатия Марк ещё раз отправился мыть руки.

Он рос с матерью. Отец его был летчиком-испытателем и погиб в авиакатастрофе, когда Марку едва исполнилось пять лет. С фотографии, которая висела дома на стене, смотрел высокий улыбчивый мужчина в офицерской форме. Марк смутно помнил отца. Единственным родным человеком для него была мама, Вера Андреевна. После смерти мужа она, будучи ещё молодой и привлекательной женщиной, замуж так и не вышла, посвятив себя сыну. Они были очень привязаны друг к другу, и смерть матери десять лет назад стала для Марка потрясением. Иногда она ему снилась, возникал её нежный образ, красивое морщинистое лицо, и на него смотрели любимые голубые глаза. Случалось даже, он просыпался среди ночи и плакал.

Ради матери Марк чуть было не женился второй раз. Помимо неудачной женитьбы в двадцать два года у него была ещё одна попытка, которая чуть не закончилась свадьбой. Будучи ещё студентом, Марк женился на своей однокурснице, слабо представляя себе дальнейшую семейную жизнь и путая влюбленность с любовью, как обычно бывает в этом возрасте. Молодые люди зачастую не очень знают, что такое семья и зачем она нужна человеку. Хорошо, если они успевают разойтись до рождения детей, не «наломав дров», как это случилось у Марка. Вера Андреевна после неудачного брака сына долго не заводила с ним разговор о женитьбе. Но когда ему перевалило за сорок, она стала упрекать его:

– Что ж ты не женишься, сынок? Так хочется внука.

– Вот найду невесту, чтоб тебе понравилась, и женюсь, – отвечал Марк.

И, кажется, нашлась. Стараниями Веры Андреевны появилась подходящая кандидатура – привлекательная Лена тридцати пяти лет. Марку к тому времени исполнилось сорок пять, однако жениться он не торопился, предпочитал короткие связи без обязательств. Но Лена очень понравилась маме. Именно это стало причиной отчаянного шага, на который отважился Марк. Впрочем, невеста ему тоже приглянулась – образованная, внешне интересная и к тому же чересчур активная. Чувствовалось, она возьмёт вожжи в свои руки. «А что тут плохого? Наконец в доме будет полный порядок», – думал Марк. Дело шло к свадьбе. Лена уже обращалась к нему не иначе как «любимый», Вера Андреевна в мечтах рисовала счастливое будущее сына.

– Доживу ли до внуков, сынок? – говорила она Марку.

Он обнимал, целовал маму и отвечал дурашливо:

– Нешто я не постараюсь!

Как-то Марк сидел с книжкой в гостиной, а Лена с мамой были на кухне. Лена готовила, а Вера Андреевна, сидя за столом, обращалась к ней с вопросами относительно предстоящей свадьбы. Марк, поглощенный чтением, не слушал разговора женщин, но вдруг до его слуха долетело, как Лена сказала:

– Нет, этого не будет.

После небольшой паузы Вера Андреевна мягко произнесла:

– Конечно, Леночка, тебе видней.

Марк не слышал, о чём они говорили, не понял, чего не должно быть и почему Лене видней, но уловил резкую ноту в её голосе и категоричность произнесённой фразы. Особенно кольнуло в сердце мамина уступчивость. Он перестал читать и стал прислушиваться. Но женщины больше не говорили. Когда через несколько минут Вера Андреевна вышла из кухни, Марк, наморщив лоб, сосредоточенно смотрел куда-то поверх книги.

– Что задумался, сынок? – спросила она.

– Да так, книжка навела на думу.

Лена закончила готовить, Вера Андреевна обняла и поблагодарила её, затем с улыбкой проводила до двери, когда та собралась уходить.

– До завтра, Вера Андреевна!

– До завтра, Леночка!

Марк проводил Лену до метро, но на следующий день не позвонил ей. Вечером она позвонила узнать, как день прошёл, всё ли у них в порядке. Марк сказал, что день прошёл как обычно, ничего неординарного не происходило. Лена ни в чём его не упрекнула и даже не поинтересовалась, почему он не звонил. Лишь в конце разговора спросила:

– Ну что, до завтра?

– До завтра, – ответил Марк, но и на следующий день не позвонил ей.

Через день Лене пришлось самой звонить ему. Она начала с известной поговорки, мол, если гора не идёт к Магомеду... однако Марк на неё никак не отреагировал. И тут Лена смекнула, что произошло нечто такое, что может оборвать их связь. Она ломала голову и не могла понять, что могло так резко изменить его отношения к ней чуть ли не накануне свадьбы. Вера Андреевна тоже не понимала, всё допытывалась у сына, почему Леночка не приходит. Маме Марк объяснил, что у него появились сомнения относительно правильности выбора и что ему нужен тайм-аут для принятия решения. Но сомнений в том, что он не женится на Лене, у него уже не было. Вера Андреевна переживала, просила сына не упускать Лену, почему-то уверилась, что она будет ему прекрасной женой. Лена же в расстроенных чувствах потребовала у Марка объяснений: «Только не по телефону!» Марк встретился с ней и сказал, что долго думал и понял, что со своим неуживчивым характером, недостатками и неискоренимыми привычками будет отравлять её существование, поэтому как муж он не подходит, не хочет портить ей жизнь. Лена ему не поверила, сказала, что он на себя наговаривает и что она вправе знать истинную причину разрыва.

– Может, тебе помочь сказать, наконец, правду? – спросила она, глядя на него испытующим взглядом. – Французы в таких случаях говорят *cherchez la femme*.

Марк в этот момент подумал, что такой ответ, пожалуй, самый подходящий в данной ситуации. Он притворно опустил голову и, как бы выдавливая из себя слова, произнёс:

– Мне... трудно было тебе признаться, но... ты догадалась.

Они ещё минуту стояли молча. Марк смотрел вниз, Лена пыталась поймать его взгляд, затем повернулась и, прежде чем уйти, в сердцах выпалила:

– Похотливый старпёр! Я была о тебе лучшего мнения!

Марк так и не женился и после смерти матери жил один уже в течение десяти лет. Раз в неделю, по субботам, обычно в десять утра, в квартиру врывается домработница Люда и начала с шумом и свойственной ей кипучей энергией производить уборку. У Люды были свои ключи. Она приходила убираться ещё при жизни Веры Андреевны и искренне переживала, когда её не стало. За многие годы Люда снискала у Марка доверие и даже заслужила право на некоторую фамильярность в обращении. Могла, например, утром, когда он ещё нежилась в постели, сказать: «Хватит валяться, мне убираться надо». Или, если его ночная гостья задерживалась под душем, выдать: «Долго она будет занимать ванную? Мне стирать надо». Стирку и глажку Люда почти каждый раз сопровождала брюзжанием: как может один человек менять столько белья за неделю? Впрочем, работала добросовестно и справлялась с накопившимся бельём довольно быстро. Марк даже стал доверять ей глажку своих сорочек и брюк. «А я на что?» – спросила Люда, застав его однажды за этим занятием. Правда, ему потребовалось втолковать ей, как правильно гладить брюки и что нельзя оставлять стрелки на рукавах сорочек. Люда всё схватывала, но махала рукой, дескать, сама знаю, нечего учить. Возраст её не поддавался определению. За то время, которое Марк её знал, Люда практически не изменилась.

Вероятнее всего, она была намного моложе Марка, но относилась к нему как к несмышлёному ребёнку. Всё порывалась готовить для него:

– Зачем тратиться на рестораны? – говорила она.

Но Марк отказывался. Во-первых, он не очень доверял её умению готовить, а во-вторых, не хотел ужинать дома один. В тех заведениях, куда он ходил по вечерам, его давно знали, встречали приветливо, помнили его предпочтения и брали заказ без меню. Эти нюансы и то, что вокруг всегда находились люди, немного приглушали чувство одиночества, которое он неизменно испытывал, хоть и боялся себе в этом признаться.

Окончив в 1974 году юридический факультет университета, Марк на протяжении многих лет имел богатую практику и слыл среди коллег профессионалом. Четыре года назад ему предложили должность заместителя директора юридической службы в крупной российской компании, занимающейся поставками цветных металлов. Работа предлагалась не самая привлекательная, но соблазняли зарплата и должность. Марк решил, что в его возрасте следует согласиться, вряд ли можно ожидать в будущем более выгодного предложения.

Его планы на отпуск были внесены в соответствующий график компании в октябре прошлого года. Но после звонка Оксаны Марку пришлось в срочном порядке корректировать их и согласовывать изменения с директором юридической службы. С Оксаной после знакомства с ней в доме у Лёни он встречался всего пару раз, приглашал её на концерты, но к себе домой звать не решался и особой надежды на интимные отношения не питал. Марк на словах был весьма смел и выглядел уверенным в себе ловеласом, однако в душе никогда не верил в свой успех у тридцатилетней женщины и искренне удивлялся, когда контакт происходил. Оксана была ещё моложе, притом с характером. И вдруг звонок:

– Привет, Марк!

– Привет, детка. Мне нравятся девушки с инициативой. Я имею в виду этот звонок.

– Я звоню тебе с более крутой инициативой.

– Оксана, я человек окончательно испорченный и под крутой инициативой понимаю только одно.

– Ты почти угадал. Я звоню сказать тебе, что принимаю твоё предложение.

– Детка, я один раз в жизни по большой глупости сделал предложение девушке. С тех пор у меня устойчивый иммунитет на предложения, после которых раскаиваешься всю жизнь.

– Не пугайся Марк, я не это имела в виду, просто согласна вместе с тобой отпраздновать твой день рождения в тёплой стране.

Марк не ожидал, что его шутка может принять такой оборот, но быстро среагировал:

– Вау! Это действительно крутая инициатива! Едем! Мне нужен твой заграничный пачпорт.

– Завтра встречаемся?

– Да, я позвоню.

– Целую в грудь.

– До завтра.

Уже в самолёте, летящем на Бали, авиакомпания «Сингапурские авиалинии» преподнесла Марку неожиданный сюрприз. К нему подошла стюардесса и протянула небольшой торт в упаковке, на которой вязью было выведено: *Hapeu-moon*. Услужливая молоденькая девушка в национальной одежде с очаровательной улыбкой на лице, глядя то на Марка, то на Оксану, произнесла по-английски:

– Поздравляем, желаем счастья!

Прочтя надпись на упаковке торта, Марк с удивлением посмотрел на девушку:

– Очень мило, но вы ошиблись. Это не нам.

– Нет, это вам! – настаивала стюардесса, – здесь нет ошибки, поздравляю! – она ещё раз улыбнулась и ушла, оставив Марка в недоумении.

– Что происходит? – спросила Оксана.

– Нас с тобой поженили. А этим тортом подсластили наш медовый месяц.

Оксана рассмеялась:

– С женитьбой они, конечно, погорячились. Но медовый месяц – это прикольно!

– Что будем делать? Может, сожрём, пока не отобрали?

– Давай потерпим. Если до конца полёта не отберут, сожрём в отеле.

К машине подошли двое мужчин в униформе из службы охраны отеля. Один из них, открыв дверцу, улыбнулся и обратился к Марку по-английски:

– Добрый вечер, сэр! Мы обязаны осмотреть транспорт, прежде чем пустить его на территорию отеля. Это займёт пару минут. Извините за неудобство.

Затем он нагнулся и стал фонарём освещать днище машины.

– Что он сказал? – спросила Оксана.

– Будут нас шмонать.

– Это шутка?

– Парни серьёзные, даром что улыбаются.

– Да ну тебя!

Второй охранник открыл багажник и, бросив беглый взгляд на чемоданы, закрыл его. Спустя минуту, первый снова подошёл к Марку:

– Спасибо, сэр! Ещё раз извините за небольшую задержку. Добро пожаловать в Bali Hyatt!

Такси двинулось мимо горящих факелов вглубь парка и вскоре остановилось перед аркой, сквозь которую ступеньки вели в ярко освещённый холл головного корпуса отеля. Над открытым с четырёх сторон холлом нависал широкий кров, выполненный в местном вычурном стиле. Отсюда коридоры сквозь тропики вели к разным корпусам отеля мимо водопадов и прудов, в которых мелкие и крупные рыбы с красными спинами мирно уживались с водяными ящерами.

Быстрым шагом подошла молоденькая девушка в национальной одежде, мило улыбаясь, соединила ладошки и, слегка наклонившись гостям, произнесла:

– Welcome to Bali!

Поймав взгляд Марка на чемоданы, которые уже оказались на тележке, она продолжила:

– Багаж доставят в ваши апартаменты, сэр.

Затем она пригласила Марка и Оксану пройти через арку в холл. На ступеньках их встретили две другие улыбчивые девушки в таких же нарядах, держа в руках кольца плотно нанизанных на нить цветов орхидеи. Со словами *Welcome to Bali!* они опустили эти кольца на плечи Марка и Оксаны и проводили их до кресел. Не успели они сесть, как появился официант с подносом и поставил на столик два коктейля из экзотических фруктов со льдом, улыбнулся и исчез. С ресепшен подошёл молодой мужчина и на хорошем английском попросил у Марка документы для оформления. Оксана тем временем изучающе смотрела по сторонам.

Из бара доносились звуки оркестра. Молодая певица, китаянка, исполняла композицию Луи Армстронга. Возле стойки ресепшен дама почтенного возраста в парике и вечернем платье общалась с менеджером отеля. С лица мужчины ни на секунду не сходила улыбка. На соседнем диване сидела женщина лет семидесяти пяти в красивом чёрном платье, вся увешанная драгоценностями. Она неожиданно встала и, глядя на Оксану, улыбнулась и помахала рукой. Оксана непроизвольно улыбнулась в ответ, но через секунду поняла, что дама обращалась не к ней. Оксана обернулась и увидела улыбающихся и идущих навстречу пожилой женщине пару очень красивых стариков. Мужчина лет восьмидесяти с редкими седыми волосами, холёный, в белых брюках и в мягких мокасинах из светло-серой кожи. Женщина лет семидесяти в маки-

яже, в дорогом вечернем платье, с запястьями и серьгами из золота, в туфельках-лодочках на небольшом каблучке. «Ну и модница!» – подумала Оксана, глядя на неё.

– Марк, куда мы попали? – растерянно спросила она. – Может, здесь клуб аристократов старше семидесяти?

Он бросил взгляд на двух пожилых дам в вечерних нарядах и сопровождающего их старика-джентльмена, которые, беседуя, проследовали в бар, и сказал:

– Да, детка, придётся соответствовать. У тебя в роду, надеюсь, были аристократы?

Оксана посмотрела на него угрожающим взглядом. Томный голос китайки доносил до слуха: «...and I think to myself, what a wonderful world...»

Вскоре Оксана убедилась, что здесь отдыхают не только старики-аристократы, но народ самый разный, в том числе молодые люди и семьи с детьми. Для последних на территории отеля были выделены просторные детские площадки с занимательными играми, а также два бассейна и отдельный обслуживающий персонал. Чего недоставало Оксане, так это русской речи и весёлой компании. В отеле отдыхали в основном европейцы, австралийцы и японцы. Из России, кроме неё и Марка, никого не оказалось. Он чувствовал себя вполне комфортно, чего нельзя было сказать об Оксане, которая английским не владела. Уже на следующий день Марк нашёл себе среди японцев партнёра по теннису, чему был несказанно рад, – игра позволяла ему держать форму. Утром перед завтраком он играл в теннис, Оксана ходила на массаж. Оба не любили находиться под солнцем. После завтрака следовало плавание, чтение в тени магнолий или экскурсии по острову.

Как-то вечером Оксана вспомнила про торт, подаренный им авиакомпанией в самолёте. Два дня назад, сразу по прибытии в отель, она положила его в холодильник. Когда торт наконец достали из упаковки, то увидели сделанную шоколадом надпись *Happy birthday*.

– Ты смотри! – удивился Марк, – они, оказывается, меня с днём рождения поздравляли.

– Здорово! – воскликнула Оксана, – у них же все твои данные есть. Молодцы!

– Только вот допустили непростительную ошибку, не просто упаковку перепутали, они меня женили! – возмущался Марк. – Написать им, какой чудовищный проступок совершила авиакомпания?

– Напиши им благодарность. Мне понравилось.

На четвёртый день отдыха во время завтрака в ресторане Марк наклонился, чтобы поднять с пола ложку, которую уронил, задев её локтем. Когда он выпрямился, на него с противоположной стороны стола смотрели два любопытных глаза. Мальчик примерно четырёх лет держался руками за стол и неотрывно смотрел на него.

– Привет! – сказал Марк по-английски, но мальчик не ответил.

– Тебя как зовут? – спросил Марк и улыбнулся, решив проявить дружелюбие.

Малыш не реагировал, продолжал неотрывно смотреть.

– Ну, как хочешь, – сказал Марк и приступил к омлету.

К мальчику подошёл молодой брюнет с орлиным носом, видимо отец, и виновато улыбаясь, сказал по-английски:

– Простите, он очень любопытный.

– Как все дети, – улыбнулся Марк, – только я не пойму, что его заинтересовало.

Мужчина обратился к сыну. Тот начал быстро говорить, указывая на пляжное кепи Марка, которым он прикрывал от солнца свою лысеющую голову и забыл снять в ресторане.

– На каком языке вы говорите? – спросил он мужчину.

– На армянском.

– Ну конечно, – сказал Марк уже по-русски, – я же слышу что-то знакомое.

Молодой человек широко улыбнулся и тоже перешел на русский:

– Значит, вы были в Армении.

– Был, и не раз, устану перечислять своих армянских друзей, – ответил Марк и обратился к мальчику: – Даже если тебе понравилось моё кепи, я тебе его не дам, самому нужно.

– Он пока плохо понимает по-русски, – сказал молодой человек, – сын говорит, ваше кепи точно такое, как у дедушки, но у вас морячок вверх ногами.

Марк снял кепи, повернул козырьком к себе и убедился, что маленький металлический морячок, служащий кокардой, оторвался от верхнего крепления и болтается на одной ноге вниз головой.

– Действительно, – он повернул морячка и нажал на него большим пальцем. Крепление щелкнуло, и морячок встал на своё место. Марк с чувством блестяще выполненной операции повернул кепи кокардой в сторону мальчика и спросил:

– Теперь правильно?

Мальш улыбнулся и кивнул.

– Как зовут вашего сына?

– Давид.

– Царь Давид! – произнёс Марк, глядя на мальчика.

– Скорее Давид Сасунский, – поправил отец.

– Ну да, конечно, герой вашего эпоса.

Подошла Оксана. На ней были шорты и короткая майка. Шорты едва закрывали выпуклые ягодички. Особое впечатление она производила в них сзади во время ходьбы. Майка у неё плотно прилегалась к упругой груди, оставляя гладкий живот на обозрение. Когда Марк впервые увидел её в таком прикиде, сказал: «Ты выглядишь соблазнительнее чем, если б была обнаженной». Молодой человек невольно засмотрелся. Надо заметить, к мужским взглядам Оксана привыкла и уже относилась к ним, как к некоему постоянно присутствующему вокруг себя фону. Они сопровождали её всюду. Если бы мужские взгляды обладали энергией солнечных лучей, то при появлении Оксаны у бассейна от неё остались бы одни угольки. Даже сдержанные японцы, которые приезжали в этот отель почему-то группами и держались особняком, вращаясь только в своей среде и никого вокруг не замечая, останавливали на ней свои взгляды.

– Оксана, познакомься, это маленький Давид, а это... – Марк посмотрел на молодого человека.

– Меня зовут Левон.

– А я Марк.

– А как по отчеству? – спросил Левон.

– Марк Львович.

– Очень приятно с вами познакомиться, Марк Львович. И с вами, Оксана.

В ответ она вяло улыбнулась.

– Надеюсь, у нас ещё будет возможность пообщаться, Левон.

– С удовольствием с вами пообщаюсь, Марк Львович.

Левон взял маленького Давида за ручку и повёл к столу, за которым сидела жена.

– Хоть один человек здесь заговорил по-русски, – сказала Оксана, садясь за стол.

– Тебе со мной скучно? – спросил Марк.

– Мне с вами скучно, мне с вами спать хочется, – проговорила она игриво, коснувшись щеки Марка тыльной стороной кисти.

– Это мы успеем. А хочешь, поедем куда-нибудь после завтрака? Мы ещё многое на Бали не видели.

– В парке обезьян были, вулкан видели. Тут больше нечего смотреть.

– Кстати, можем поехать в отель Grand Hyatt в Нуса-Дуа. Этот курорт популярен у богатых россиян, там действуют наши карточки. Отсюда через каждые два часа ходит туда шаттл.

– Хочу, поедем.

Русская речь в отеле Grand Hyatt, действительно, звучала довольно часто. Здесь даже бармены в стремлении угодить клиентам из России пытались говорить по-русски. Оксана быстро сошлась с двумя русскими девушками, которые заметно выделялись среди европейек величавой походкой и тем, что постоянно курили. Она подошла к ним попросить огоньку, и уже минут через двадцать три красавицы в купальных костюмах направились в бар.

Марк тем временем поплавал в море и лёг в тени магнолии читать любимого Довлатова.

– Неужели эти красавицы отдыхают без мужчин? – спросил он, когда через час Оксана подошла к нему.

– Разумеется, нет. Мы собираемся прокатиться на лодке. Не возражаешь?

– Ради бога.

В последующие дни Оксана проводила время в обществе новых знакомых, приезжая в Grand Hyatt после завтрака. Марка это вполне устраивало, и не в последнюю очередь потому, что присутствие днём рядом с ним столь привлекательной молодой плоти в стрингах несколько тяготило из-за взглядов окружающих. Ему казалось, они пытаются определить, кем Оксана ему приходится – дочерью или любовницей? Впрочем, это были только предположения. К тому же Оксане очень не доставало молодой компании, которой Марк тяготился.

На следующий день во время завтрака его приветствовал Левон:

– Доброе утро, Марк Львович. Приятного аппетита!

– Привет, Левон! Спасибо. Я вот что хотел спросить: вы в теннис играете?

– В настольный немного.

– Мне всегда казалось, что настольный теннис – удел китайцев и японцев. Только у них молниеносная реакция, необходимая для этой мини-игры. Я имел в виду большой теннис.

– К сожалению, в большой теннис играть не приходилось.

– Жаль, мой партнёр-японец вчера уехал.

– Я играю в шахматы, если они вас интересуют.

– Шахматы? Это сейчас большая редкость. Лет тридцать назад шахматы были едва ли не самой престижной игрой в нашей с вами тогда ещё общей стране. Они влияли на общественную жизнь и даже имели политическую значимость. В молодости я играл в блиц. Что ж, давайте попробуем. Когда назначим турнир?

– В половине второго мы укладываем Давида спать, в моём распоряжении будет два часа. В другое время я, к сожалению, не смогу, мне необходимо быть с сыном.

– Меня вполне устраивает это время. Начнём сегодня?

– Давайте.

Уже через несколько ходов Марк понял, что перед ним профессионал.

– Подозреваю, вы занимались шахматами основательно.

– Мой отец – большой ценитель этой игры. Он меня с пяти лет водил в шахматную школу в Ереване. В восемь лет я стал его обыгрывать, и отец стал всерьёз заниматься моей шахматной карьерой. Если учесть, что я время от времени сопротивлялся, за что получал подзатыльники, он довольно преуспел в этом – мне оставалось дотянуться до мастера спорта...

– Простите, что перебиваю, мне просто интересно: вы говорите по-английски – меня это не удивляет, но откуда у вас такой русский язык? Вы ведь так молоды, а Советского Союза уже двадцать лет нет.

– Мне двадцать восемь лет. Советский Союз я застал. Дело в том, что моя мама – преподаватель русского языка. У нас в семье все говорят по-русски свободно.

– Понятно. Значит, отец хотел сделать из вас чемпиона мира по шахматам...

– Вы угадали, – улыбнулся Левон, – именно об этом он мечтал. Кажется, Маркс говорил о шахматах: для игры это очень серьёзно, а для серьёзного занятия это всего лишь игра. Я с детства любил рисовать.

– Так вы художник?

– Да, я художник, – ответил Левон с той внутренней убеждённости, что сомнений в том, что это его призвание, не оставалось.

– Теперь я понимаю, с какой целью вы носите с собой блокнот с карандашом. Я грешным делом подумал, вы собираетесь мои ходы записывать.

Левон рассмеялся.

– Марк Львович, слона лучше не трогать, – сказал он, когда Марк протянул руку, собираясь ходить слоном.

С минуту подумав, Марк убедился, что это чревато быстрым проигрышем:

– Да, теперь вижу, что его трогать нельзя, – и двинул пешку под слона. – И что же, ваши картины продаются?

– К сожалению, нет.

– Однако вы приехали на Бали? – Марк посмотрел на Левона с виноватой улыбкой и продолжил, – пожалуйста, не судите меня строго. Вы совсем не обязаны отвечать на мои дурацкие вопросы. Но я дожил до седых волос, немного разбираюсь в людях и, поверьте, проявляю интерес к тем, к кому отношусь с симпатией.

– Марк Львович, вы можете обращаться ко мне на «ты».

– Хорошо, гроссмейстер, только давай начнём новую партию. Здесь явно ничейная ситуация, – предложил Марк, указывая на откровенно проигрышную с его стороны позицию.

– Давайте, – улыбнулся Левон и начал расставлять фигуры. – А вопросы, на мой взгляд, абсолютно нормальные. После окончания художественного факультета я поступил на курсы дизайнера с надеждой устроиться на хорошую работу. В Ереване с этим туго. Полтора года назад, благодаря моему приятелю, я подвизался в одну московскую дизайнерскую компанию. Сделал им всю работу, но мне не заплатили. Это был горький опыт, но всё же полезный, поскольку позволил претендовать на вакансию в другой, более крупной компании. Мне повезло, меня взяли, и я стал зарабатывать, снял квартиру, полгода назад перевёз в Москву жену с ребёнком. Шеф меня ценит, в качестве бонуса оплатил наше пребывание в этом отеле. Мне бы в голову не пришло ехать на Бали. Мы с женой собирались в Египет (давно никуда не ездили), но там появились акулы-людоеды, и жена отказалась. Шеф рекомендовал Бали. Правда, затраты на дорогу и прочие расходы значительно превосходят стоимость двухнедельной поездки в Египет, но нам здесь очень нравится: климат, природа, экзотические фрукты.

Утром следующего дня во время завтрака Левон представил Марку и Оксане свою жену Гаянэ. Столы их оказались рядом, что позволяло общаться. Впрочем, в беседе женщины не участвовали. Гаянэ занималась маленьким Давидом, Оксана откровенно выражала безразличие. Им стоило взглянуть друг на друга, чтобы сразу почувствовать взаимную неприязнь. Мужчины в этом отношении тугодумы, женщины мгновенно оценивают друг друга. Более того, когда Левон стал задавать вопросы Оксане, из которых следовало, что она дочь Марка, а той пришлось отвечать уклончиво, Гаянэ, которая, казалось, поглощена процессом кормления сына, снисходительно взглянула на своего наивного мужа и улыбнулась.

– Ну что, гроссмейстер, сегодня надо сдвинуться с мёртвой точки, нельзя же заканчивать все партии вничью. Начинай.

Марк заметил, что Левона что-то гложет.

– О чём задумался? Если не знаешь, как начать, могу подсказать: Е2—Е4.

– Марк Львович, можно задать... глупый вопрос?

– С твоими мозгами глупый вопрос? Ну, задавай.
– Скажите, Оксана ваша...
– ...любовница, – завершил Марк. – Этот вопрос тебя так захватил, что заставил забыть о шахматах?

– Мне Гая сказала, но я...
– ...не поверил? Почему? Я что, по-твоему, не мужчина? Я, может, ещё тебе фору дам.
– Вы очень представительный мужчина, – засмеялся Левон.
– Оксана небось понравилась тебе? – Марк лукаво улыбнулся, – я заметил, как ты на неё смотрел.

Левон растерялся:

– Нет... я... не смотрел.
– Ладно, не смущайся, на неё все смотрят.

Левон решил поменять тему:

– Марк Львович, а где вы были в Армении?
– Во многих местах. Например, в Бюраканской обсерватории, когда ещё Виктор Амбарцумян был президентом Армянской Академии наук. Приглашал мой друг-астрофизик. На Севане был, в Цахкадзоре на горных лыжах катался, последний раз три года назад. В Эчмиадзине был, видел храм Гарни, пещерный монастырь Гегард. Дальше перечислять?

– Вы, я вижу, Армению знаете.

– Я лет десять назад был в Турции, – продолжал Марк, – и там гид-турок назвал самую высокую точку своей страны – гору Арарат. И вот что любопытно – многие наши туристы были удивлены: разве Арарат не находится в Армении? Причём гид сказал мне, что это не первый случай, люди из России почему-то думают, что Арарат в Армении. И я тогда подумал, а ведь он на самом деле в Армении, я не имею в виду историческую территорию. Для Турции Арарат географическое понятие – самая высокая точка страны, не более того. Для армян – символ родины. Он настолько глубоко заложен в каждом армянине, что не важно, где гора находится. Арарат даже лицом обращён в сторону Армении – с противоположной стороны нет такого величественного вида. Он виден в Ереване практически отовсюду. Мандельштам писал, что у него в Армении выработалось шестое «араратское» чувство: чувство притяжения горой.

– Как вы здорово говорите. Я, признаться, не задумывался над этим.

Шахматы стали ежедневным занятием. Марку нравился мозговитый и несколько прямолинейный и наивный Левон. Партии прерывались, и начинались новые, когда позиция у Марка становилась безнадёжной. В такой ситуации он предлагал ничью, противник миролюбиво соглашался.

Четвёртый матч был пропущен по той причине, что Левон повёз семью на экскурсию. Об этом он заранее предупредил соперника во время завтрака, на что Марк обещал не объявлять ему поражения, поскольку причину находит уважительной.

На другой день после завтрака Левон с женой и ребёнком пришёл на пляж. Вступив на песок, он обнаружил, что забыл сменить кожаные сандалии на пляжные шлёпанцы и решил за ними вернуться.

Левон шёл по длинному коридору, отвечая на приветствия улыбчивых горничных. Возле номера Марка и Оксаны стояла тележка с бельём, дверь была распахнута, что свидетельствовало о проводимой внутри уборке. Когда он миновал тележку, его вдруг окликнули:

– Левон!

Он обернулся и увидел Оксану, которая, заметив его через открытую дверь, выглянула и позвала. Похоже, она тоже по какой-то причине вернулась в номер и застала уборку. Он, улыбаясь, подошёл к ней.

– Слушай, Левон, у меня сломались маникюрные ножницы. У жены наверняка есть такие, маленькие с загнутыми концами... ну ты знаешь. Мне сейчас они нужны. Может, принесёшь? Мне на пару минут. Я их после спиртом почищу.

– Сейчас схожу, посмотрю.

– Если она завершит уборку до твоего прихода, – добавила Оксана, указывая на горничную, – постучи.

– Хорошо.

Он пришёл в свой номер, открыл косметичку жены, но ножниц в ней не нашёл. В ванной комнате возле зеркала лежали в чехле маленькие ножницы, но они не были с загнутыми концами. Левон схватил их и вернулся к Оксане. К этому времени горничная уже завершила работу, и после того как он вошёл в номер, она успела ему улыбнуться, вышла и захлопнула дверь. В комнате никого не оказалось. Дверь в ванную была чуть приоткрыта. Оттуда доносилось жужжание работающего фена. Оксана укладывала волосы. Левон постучал и открыл дверь.

– Ой! – вскрикнула Оксана и схватила с полки банное полотенце, чтобы прикрыть обнажённую грудь. Она была в шортах, но сверху ничего не было.

– Как ты меня напугал! Я думала, это горничная ушла, когда дверь захлопнулась. А ты уже здесь.

– Извини, Оксана, я постучал.

– Принёс?

Левон вошёл в ванную комнату и протянул ей чехол с ножницами.

– Спасибо, посиди там, я через пару минут верну, – сказала Оксана и, достав ножницы из чехла, скорчила кислую мину.

Он стоял совсем близко к ней, невольно вкушая аромат её тела и ощущая магнетическую силу нарастающего влечения. Когда Оксана доставала ножницы, полотенце чуть спало с плеча, пленительно открыв его взору красивую грудь. Внутри у него вспыхнуло, огонь страсти мгновенно вспыхнул с той неукротимой силой, с какой он может возгореться в такой ситуации у молодого мужчины.

– Ну что ты принёс? – Оксана разочарованно вздохнула.

И тут она почувствовала его дыхание и увидела пылающие страстью глаза.

– Левон?.. что такое?.. – спросила она, лукаво улыбаясь. Но лукавство это не было оружием соблазна, а скорее снисходительной иронией к очередному мужику, не сумевшему обуздать свою похоть. Оксане действительно нужны были маникюрные ножницы и отнюдь не Левон. Ей казалось, что она сейчас чуть пожурит парня и отправит к жене. Но то, что произошло дальше, стало для неё неожиданностью. Он был уже словно под дурманом, в состоянии столь сильного возбуждения, что последующие свои действия плохо контролировал. Рука вожаденно потянулась к её груди и стала гладить.

– Прекрати! – вспыхнула Оксана и решительно отвела его руку. Но Левон вдруг отбросил полотенце, которым она прикрывалась, схватил её за талию и, прижавшись к ней, впился губами в её губы. Оксана какие-то секунды сопротивлялась, даже пустила в ход кулаки, пытаясь вырваться из объятий. Но он всё крепче прижимал её к себе, не прерывая страстного поцелуя. Вскоре она расслабилась и поддалась, а после длительного лобзания, когда губы их разомкнулись, она смотрела на него уже другими глазами:

– Какой ты горячий... – шепнула Оксана.

Опьяненный услышанным, он стал исступлённо целовать её шею, грудь и судорожно растёгивать на ней шорты. Затем неожиданно повернул её спиной к себе, вынудив ошавевшую Оксану нагнуться и ухватиться руками за ванну.

– Ну, ты изверг!.. – выговорила она, повернув к нему голову. – Только не рви мои дорогие трусики, – добавила Оксана сквозь учащенное дыхание и подняла ногу, давая ему возможность снять их.

Перевозбуждение привело к утере контроля. Едва Оксана успела завестись и войти в раж, как услышала глухое ржание жеребца, извещающее о финальном аккорде. Левон застыл на минуту, закрыв глаза, страсть стала стремительно угасать. Он стал медленно освобождаться от обуявшего его неистового возбуждения.

– Что, всё? – вырвалось у Оксаны. Она ещё несколько секунд оставалась в ожидании, потом выпрямилась и разочарованно бросила: – Эх, ты, килька! А как хорошо начал!

Левон сконфуженно поднял свои шорты и, ещё окончательно не придя в себя, спросил:

– Хочешь, я найду ножницы?

Оксана улыбнулась, провела тыльной стороной кисти по его щеке и сказала:

– Да ладно, не надо. Всё, иди, забирай ножницы. Не бойся, жена не узнает.

Левон вышел от Оксаны растерянный и внутренне неудовлетворённый. Физическая удовлетворённость не могла снять нервного напряжения, которое он продолжал испытывать. Причина такого состояния, казалось бы, лежала на поверхности – тревога о том, что о случившемся может узнать Гаянэ. Словам Оксаны «Не бойся, жена не узнает» Левон интуитивно верил, хотя её, по сути, не знал. Однако она почему-то внушала ему доверие. Более того, он был убеждён, что произошедшее с Оксаной – это даже не измена, а случайность, стечение обстоятельств, мгновенная вспышка страсти, и второй раз такое не может произойти. Что же тогда его так мучает? Будучи склонным к анализу, Левон стал искать причину своей подавленности. Когда точно знаешь, что именно тебя гнетёт, в чём корень душевного расстройства, легче преодолеть такое состояние. И сразу нашёл, вернее, извлёк из подсознания причину внутреннего дискомфорта. Он вспомнил брошенные Оксаной слова: «Эх, ты, килька!» – вот где источник его переживаний. Конец фразы: «А как хорошо начал!» не мог служить даже слабым утешением. Мужчины воспринимают подобные выпады в свой адрес со стороны женщин болезненно. Случайность? – вдруг спросил он себя, продолжая анализировать. Конечно, встреча была случайной. А её развитие? Если следовать Фрейдю, то какая тут, к черту, случайность?! Спрашивается: зачем вместо того чтобы позвонить Оксане в номер и сказать, что маникюрные ножницы не нашлись, хватать те, что в чехле, и бежать к сексуально привлекательной женщине, заведомо зная, что ей они не подойдут?

Левон пришёл в свой номер, положил на место ножницы, с минуту в задумчивости постоял перед зеркалом, затем быстро вышел и вернулся на пляж. Когда он вновь вступил на песок, вдруг с ужасом обнаружил, что всё ещё в кожаных сандалиях. Возвращаться за шлёпанцами было уже поздно – Давид радостно бежал ему навстречу, размахивая руками. Подошла Гаянэ и с недоумением посмотрела на его сандалии.

– Ты где был? – спросила она.

Мозги у Левона в эту секунду разве что не вскипели от напряжения. «Ну, давай же, сообщай!» – хлестал он себя мысленно. Мимо по выложенной плитам дорожке, которая тянулась по всему побережью, пронеслась группа молодых парней и девушек на велосипедах. Левону в этот момент за какие-то доли секунды пришла, как ему показалось, гениальная идея.

– Ты представляешь, пришёл в номер и вдруг вспомнил, что обещал Давиду прокатить сегодня на велосипеде. В шлёпанцах неудобно, они сваливаются с педали. Покатаю, а потом поменяю. – Сказав это, он обратился к сыну: – Ну что, берём большой велосипед?

– Берём! – обрадовался Давид.

Левон был так доволен своей находчивостью, в таком восторге пребывал от пришедшей на ум неожиданной идеи, что совершенно расслабился и уже не ожидал каких-либо вопросов

со стороны жены, которые могли быть вызваны подозрением или догадками об измене. Но когда они вернулись в номер, чтобы уложить маленького Давида спать, Гаянэ вдруг спросила:

– Почему ты рылся в моей косметичке?

Левон растерялся и глупо переспросил:

– Кто?

– Ну не горничная же? Это исключено.

Он не то чтобы не нашёлся что ответить, просто в эту секунду Левон точно знал, что ложь чревата, она будет сразу разоблачена и может привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому он сказал почти правду и чуть не выдал себя:

– А!.. – будто вспомнил, – Оксана попросила маникюрные ножницы.

– Что? Она была здесь?

– Нет, я проходил мимо их номера, там убрали, дверь была распахнута. Она меня увидела, вышла и попросила принести ей твои маникюрные ножницы. Я пришёл, открыл косметичку, но ножниц не нашёл.

– Они у меня в чемодане. Она даже не понимает, что это негигиенично?

– Оксана обещала их продезинфицировать. Её ножницы сломались, можно же понять женщину?

– Я вижу, ты понял. Так спешил к ней, что забыл надеть шлёпанцы? – Гаянэ несколько секунд смотрела на мужа испытующим взглядом, но он, кажется, выдержал экзамен, мускулы на лице не дрогнули.

– Во-первых, – начал Левон, решив проявить характер, – ты говоришь глупости. Во-вторых, она куда-то торопилась, я позвонил ей в номер, извинился, что не нашёл ножниц.

В этот день на встречу с Марком Левон шёл как на заклание. Теперь, когда жена знала о его случайной встрече с Оксаной, он вдруг сообразил, что на самом деле следует опасаться реакции Марка на то, что сегодня произошло. Она была действительно важна. Да, Оксана обещала о случившемся не говорить жене, но то, что она сообщит об этом Марку, у Левона почему-то не вызывало сомнений. Скорее всего, думал он, скажет, что было лишь посягательство, которое она гневно отклонила. Но это ничего по существу не меняло. Если Марк, после того, что узнает, отвернётся от него, что вероятнее всего, жена непременно обо всём догадается. Уж в этом Левон не сомневался. И тогда последствия могут быть плачевными, может произойти непоправимое. Левон хорошо знал норы Гаянэ и не сомневался, что измены она ему не простит. А значит, он может лишиться любимой женщины и сына. Да, он любит жену, умную, преданную, тонко чувствующую жизнь, свято верящую в его талант художника, составляющую основу его семейного счастья. «Что я натворил!» – сокрушался Левон.

– Ты сегодня какой-то подавленный, – удивился Марк, увидев вместо широкой улыбки Левона его растерянное лицо. «Он пока не в курсе, – смекнул Левон, – лучше рассказать ему сейчас, а там... будь что будет».

– Что-то случилось? – спросил Марк.

– Да.

– Что такое? Ребёнок заболел?

– Нет, слава богу. Даже не знаю... как вам сказать...

– Скажи как есть. Я смотрю, ты так убиваешься, словно произошла трагедия.

– Может произойти, если... жена узнает...

– Жена? – удивился Марк, – что же такого ты натворил? Совершил смертный грех?

Левон кивнул. Марк улыбнулся:

– Ты что киваешь? Согрешил? – спросил он в шутку.

Левон опять кивнул. Марк посмотрел на него с ещё большим удивлением:

- И как же?
- Если Гая узнает...
- Неужели изменил жене?
- Левон, глядя на него, виновато поёжился.
- Что, правда, изменил? – Марк улыбался.
- Да.
- Ты уезжал куда-то?
- Нет.

Марк задумчиво наморщил лоб и несколько секунд продолжал с недоумением смотреть на Левона, который сейчас походил на побитого щенка. И вдруг его осенила догадка:

- Постой... – Марк рассмеялся и, прищурившись, спросил, – ну и как тебе Оксана?

Левон, широко открыв глаза, с изумлением смотрел на Марка:

- Как вы догадались?

– Левон, с кем же ты можешь согрешить, не выходя за территорию отеля? Ха! Ну не с японкой же!

- Я думал, вы меня... убьёте.

– Бог с тобой, за что? Это даже забавно. Где же этот акт мог произойти? Неужели в женском туалете? Она любит неожиданности!

- У вас в номере.

- Вот как? Она что же, тебя в номер пригласила? Что-то на неё не похоже.

– Нет, всё произошло случайно, неожиданно... она стояла так близко, такая соблазнительная... я был в каком-то дурмане... – и Левон рассказал про ножницы и секс без интимных подробностей.

Марк внимательно выслушал, затем, лукаво улыбаясь, спросил:

- Ну что ж, надеюсь, проникновение было приятным?

– Как вы спокойно воспринимаете?! Словно Оксана не имеет к вам никакого отношения?!

– Левон, успокойся, она самостоятельный человек и никак со мной не связана. Я даже думаю, что это у нас разовая поездка и мы вряд ли будем встречаться в Москве.

- Она что... проститутка?

– Нет, конечно. Я с проститутками не сплю и тебе не советую. Она нормальная девушка, немного резковатая, но вполне приличная и, как все нормальные девушки, хочет выйти замуж, но пока не встретила своего парня. Просто большинство хороших парней вроде тебя женаты.

- Я боюсь, Гая догадается, она очень смекалистая.

- Не беспокойся, Оксана болтать не будет.

И действительно, Оксана ни словом после не обмолвилась с Марком об этом случае. А по утрам, когда все встречались во время завтрака, она почти не общалась, вела себя индифферентно, как прежде.

- Марк Львович, можно задать вопрос?

- Опять глупый?

- Да.

- Задавай.

- Почему вы не женаты?

– Вот как раз поэтому. Я не боюсь, что кто-то о чём-то догадается, устроит мне сцену, будет уничтожать мои драгоценные нервные клетки. Я сплю с женщинами, которые мне нравятся, и расстаюсь с ними, когда этого захочу.

- А как же семья, дети?

– Я имел неосторожность в молодости жениться. Был влюблён и думал прожить с ней всю жизнь. У жены была подруга, у которой однажды задралась юбка. Зацепилась за металлические

перила, когда она сбегала по лестнице. Я помог отцепить, но успел разглядеть её попу. Она так меня завела, что при первой же возможности я осуществил проникновение. Надеюсь, ты способен по достоинству оценить элегантность моего определения этого сладострастного акта?

– Оценил уже дважды, – смеялся Левон.

– Так вот, – продолжал Марк, – эта дура, то бишь подруга, через полгода всё рассказала моей жене. И хотя к тому времени я успел осуществить ещё несколько проникновений, но уже с другими женщинами, жена, узнав только об одном, пришла в бешенство. На меня полетели предметы кухонной утвари. А моя хрестоматийная тёща подкладывала ей под руку сковородки. У меня до сих пор остались шрамы.

– Где? – удивился Левон.

– В душе. Словом, с супругой мы расстались. И я подумал: если жена будет так реагировать на каждое проникновение, а я без них точно не смогу, зачем мучить бедную и себя любимого, зачем жениться? С тех пор ни одна из моих женщин из-за такого пустяка сковородку в меня не бросала. Я со всеми поддерживаю замечательные отношения.

– А как же дети? Вам не хотелось иметь детей?

– Признаться, не очень. Притом что к детям невозможно относиться плохо. Они чисты, непосредственны и поэтому прекрасны. Но жениться только для того чтобы иметь детей, я не стану.

– Ваш подход к жизни совпадает с мировоззрением, которое исповедует мой московский дядя.

– Значит, твой дядя самых честных правил, – скаламбурил Марк, улыбаясь, – почему ты называешь его московским?

– Он почти всю жизнь живёт в Москве. Приехал поступать в институт, если не ошибаюсь, ещё при жизни Сталина. Он старший брат моего отца. В отличие от вас, дядя был женат дважды. Второй раз, как он утверждает, заставили жениться родственники. У нас в Армении, вы знаете, мужчина должен создать семью. После развода с первой женой, русской, родственники подыскали ему армянку, но с ней он прожил ещё меньше, сказав, что первая была намного лучше. У него очень неуживчивый характер. Я в этом убедился, живя с дядей полгода в его квартире, до того как снял жилье для семьи. Я не хотел с ним жить, но он страдал от одиночества, даже намекал, чтобы я ему какую-нибудь женщину подыскал, только не старуху. К женщинам был очень равнодушен, друзей не имел. Иногда приходил к нему бывший сослуживец, некий Василий Кузьмич. Неприятный тип, выпивоха и антисемит. Вместе работали, вместе уходили на пенсию. Я спрашивал дядю, как он может с таким общаться. «А я его не слушаю, – говорил дядя, – и потом, он эту ересь несёт лишь в твоём присутствии, мы с ним обычно говорим о бабах». После я понял – ведь у дяди никого нет, друзей он со своим характером не приобрёл, а на безрыбье и Кузьмич сгодится. Когда дядя работал, жизнь была терпима, но он уже десять лет на пенсии. Получает гроши. Женщины перестали к нему ходить. Вот он и страдает в четырёх стенах. Моему переезду в Москву он очень обрадовался. Каждый день с нетерпением ждал меня с работы, ходил в магазин, ужин готовил, за долгую холостяцкую жизнь неплохо научился готовить. Я время от времени летал в Ереван с женой и сыном повидаться. Однажды уехал на три недели. Вернулся, а дядя сидит на стуле и плачет, да так надрывно. Не хочу, говорит, жить, хочу умереть. Так мне его жалко стало. Обнял я его, стал шутить, мол, что за глупости, сейчас посидим, поговорим, выпьем. Достал марочный коньяк, бастурму¹, сыр, фрукты, отвлек его от дурных мыслей. Мы даже напились в тот день, и дядя вдруг запел древнюю народную песню, чего за ним я раньше не замечал. Но плач этот надрывный и слова его врезались мне в душу. А ведь всего восемь лет назад, помню, он хорохорился, на мой вопрос, не тяжело жить тридцать лет одному, без жены и родственников, дядя ответил:

¹ Бастурма – вяленое мясо.

«Ты не представляешь, сколько у меня за это время побывало молодых красивых женщин». Но больше всего меня поразило то, что, будучи дважды женат, дядя сознательно не рожал детей. Мы с отцом думали, он не способен, бывают же такие мужчины, и полагали, что именно по этой причине у него жизнь так сложилась. Ведь у нас в Армении культ детей, а я не так давно вдруг узнаю от дяди, что в этом отношении он был очень осторожен и всегда предохранялся.

Марк внимательно слушал и смотрел на шахматную доску. «Какие мозги у этого парня! – думал он, – одним взглядом оценивает позицию, делает ход и уже не смотрит на доску. А ведь я не такой уж слабак».

– Сейчас он один живёт, твой дядя?

– Нет, сейчас его одного оставлять нельзя. У него постоянная сиделка.

– А что с ним?

– Примерно год назад у него был инсульт. Представляете, прихожу домой и вижу: лежит он на полу неподвижно, часто дышит. Я не сразу сообразил, что произошло. Глаза открыты, что-то хочет сказать, не может. Приехала «скорая», забрала его в больницу. Выходили дядю, и речь, и движения восстановились, правда, не до конца – передвигается с трудом. Хорошо, что я тогда у него жил. Даже страшно представить, что бы произошло, не будь меня рядом. С тех пор с ним постоянная сиделка.

– Да... – вздохнул Марк задумчиво, – мрачную картину рисуешь, художник.

– Дядя сам загнал себя в этот угол, – сказал Левон, не подозревая, что Марк имел в виду свою собственную жизнь.

– Ладно, гроссмейстер, предлагаю ничью.

– Согласен.

Следующий день начался как обычно, ничем не отличаясь от предыдущих. Разве что Гаянэ была за завтраком несколько напряжена, время от времени бросая взгляды то на Оксану, то на мужа. Левон почувствовал её настороженность и держался естественно, даже бодро, не давая повода для подозрений. Оксана ни на кого не обращала внимания, быстро поела, поцеловала Марка и побежала на утренний шаттл в Grand Hyatt.

На другой день Марк пришёл на игру и застал Левона в удручённом состоянии.

– Что такое? Опять согрешил?

– Простите, Марк Львович, но сегодня игры не будет. Я должен идти, ждал вас, чтобы сказать об этом. Мне необходимо срочно возвращаться в Москву.

– Что случилось?

Левон был в сильном возбуждении:

– Минут двадцать назад, когда я шёл сюда, позвонила сиделка. Говорит, дядя стал агрессивен, швыряет в неё всё, что под руку попадётся. Бросил в неё настольную лампу. Всю ночь она не могла заснуть, говорит, спрятала острые предметы, но всё равно боится. Сказала, что больше работать не может. Поставила ультиматум: если я завтра не вернусь, закроет дядю одного в квартире и уйдёт. Мне надо вернуться в Москву, я ещё не говорил об этом Гае, она будет очень расстроена.

– Понятно... – произнёс Марк задумчиво, – но сейчас тебе необходимо успокоиться и трезво оценить возникшую проблему. Мне кажется, её надо решать иначе.

– Как – «иначе»? – растерянно спросил Левон, готовый молиться за появление иного решения.

– Ты можешь вылететь отсюда в Сингапур в лучшем случае завтра, а в Москве будешь ночью послезавтра, то есть по существу через два дня. И что дальше? Ты же не можешь заманить сиделку, надо искать новую, а это можно делать отсюда. В Москве есть у тебя родственник, кто мог бы этим заняться?

– Нет. Я могу позвонить отцу в Ереван, но... родители мои уже не молоды, у них там внуки, своих забот хватает, я не хочу их загружать.

– Это понятно. Знаешь, у меня есть одна сиделка, она ухаживала за моей мамой. Женщина добросовестная. Но это было десять лет назад, ей сейчас около пятидесяти. У меня, кажется, остался её номер. Я ей сейчас позвоню, – сказал Марк, доставая телефон, – посмотрим, согласится ли она ухаживать за мужчиной, да ещё агрессивным.

Марк стал перебирать имена в телефонном списке, потом вдруг задумался, посмотрел на Левона и сказал:

– А знаешь что, гроссмейстер, давай сначала попробуем ход конём: позвони-ка этой сиделке и предложи ей двойную цену за те дни, которые тебе понадобятся, чтобы найти другую. Это может сработать.

– Да, сейчас попробую, я об этом не подумал.

– Попробуй.

Левон держал звонок, но сиделка долго не отзывалась. Наконец взяла трубку. Оказалось, она тоже уснула, дождавшись, когда дядя заснул. Левон стал объяснять ей, что завтра он никак не сможет быть в Москве, что просит дождаться его приезда и повышает ей плату за услуги в два раза. Лицо Левона стало меняться по ходу телефонного разговора. Завершив его, он посмотрел на Марка восторженным взглядом:

– Марк Львович, вы гений! Она обрадовалась, сказала, что теперь будет очень осторожна и станет во всём потакать дяде, чтобы не провоцировать его гнев.

– Вот и замечательно. Я тебе всё же оставлю телефон моей сиделки. Твоя, похоже, корыстная и, возможно, даже шантажировала тебя. От такой лучше избавиться.

– Спасибо вам большое, Марк Львович!

– А ты собирался в Москву лететь. Расставляй фигуры, гроссмейстер.

Москва встретила Марка и Оксану двадцатиградусным морозом. Был конец февраля, шёл снег. В аэропорту Домодедово Марк перед вылетом оставлял свою машину на парковке.

– Нам направо, – сказал он Оксане, когда они вышли из зоны контроля, и она почему-то остановилась.

– Марк, знаешь, я лучше поеду на электричке. Ты, пожалуйста, извини меня, но не хочется в такую погоду торчать часами в пробках.

– Конечно, детка, езжай.

Оксана поставила чемодан, обняла Марка и чмокнула его в щёку:

– Ладно, созвонимся. Целую в грудь!

– Счастливо!

Любопытное слово – созвонимся. В устах того, кто его произносит, чаще всего оно означает – ты мне не нужен, если я тебе понадоблюсь, звони. Они оба чувствовали, что вряд ли встретятся ещё раз. Без сожаления и без какой-либо неприязни. И отнюдь не потому, что разочаровались. Наоборот, оба испытывали симпатию друг к другу. Марк – человек обаятельный, и по-своему он девушке нравился, даже отдавалась ему она с желанием. Марк это чувствовал и тоже старался. Правда, иногда её необузданная страсть напрягала, когда, достигнув апогея, вдруг переходила в буйство. Но он терпеливо выдерживал, за что награждался благодарными поцелуями.

После отпуска Марк окунулся в работу, которая, как известно, имеет свойство за время отсутствия быстро накапливаться. По вечерам поздно уходил из офиса, ни с кем не встречался. В субботу играл в теннис на крытых кортах, воскресенье провёл у друга на даче, выгребая её из-под снега.

Прошло две недели, прежде чем Марку после бурно проведённого отпуска захотелось женской ласки. Оксане звонить желания не возникало, Лёня не приглашал, пришлось переби-

рать в памяти старых знакомых. Марк достал свою потрёпанную записную книжку и начал листать её. С каждой страницей всплывали в памяти бывшие связи, полузабытые лица, пикантные и забавные истории минувших дней. Большинство связей реанимации не подлежало. Более или менее реальными оставались две кандидатуры, с которыми его контакты были последними. Одну из них звали Светлана. Марк решил сначала позвонить ей. Она была непритязательна, с мягким характером. После термоядерной Оксаны ему захотелось покладистой Светланы. Правда, Марку сразу вспомнилась её привычка часто жаловаться на жизнь, но это было терпимо.

- Привет, Светик!
- О! Марк! Привет! Даже не верится! Надо же, вспомнил!
- Не забывал. Помню даже родинку у тебя на бедре.
- Ой!.. Никак соскучился?
- Конечно. Как поживаешь? Замуж не вышла?
- Пока не берут. А ты? Не женился?
- Боже упаси!
- Ну да, ты в петлю не полезешь.
- А ты, значит, арканы закидываешь?
- А что остаётся? Возраст критический – тридцать один.
- Что за глупости! У тебя вся жизнь впереди!
- Может и впереди, но пока топчусь на месте, даже зарплату в этом году не подняли, гады! Говорят, не отошли от кризиса.
- Ну, если тебя может немного утешить ужин со мной, приглашаю.
- Ты что же, решил потрянуть стариной? вспомнить быстрое?
- Если ты, конечно, не против.
- Да нет, я не против. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Я даже замуж за тебя пойду, если позовёшь. А что, слабо?
- Неужели ты хочешь, чтоб через полгода мы возненавидели друг друга?
- Разве это происходит так быстро?
- Есть горький опыт.
- Ты меня пугаешь. Ладно, куда идём?
- Вот это разговор! Мы можем сегодня пойти...

Со Светланой он стал встречаться раз в неделю в выходные. Всё происходило по избитой схеме: ресторан – постель. Даже общались они по одной и той же схеме – она жаловалась на жизнь, он пытался сменить тему.

Как-то вечером Марк привёл Светлану в кафе, расположенное на третьем этаже торгового центра, недалеко от своего дома. Они уже заканчивали ужинать, и Марк попросил у официанта счёт.

- Зря я не принял таблетку до ужина. Головная боль уже тогда подступала, теперь заглушить её будет не просто, – посетовал он.
- Бедненький! – жалостливо промурлыкала Светлана.
- Здесь есть аптека, этажом ниже. Пошли.

Марк оставил деньги за ужин, и они вышли из кафе. В аптеке он быстро прошёл к стеллажу, взял упаковку болеутоляющего и, подойдя к кассе, вдруг обнаружил, что в зале нет обслуживающего персонала.

– Она вышла, подождите, скоро вернётся, – сказал стоявший возле входной двери охранник.

Марк недовольно вздохнул и стал открывать упаковку, чтобы достать таблетку.

– Кроме неё никого нет? – спросил он.

– В это время обслуживает только одна сотрудница. Правда, есть ещё Ольга Александровна, заведующая, она у себя.

– Как к ней пройти?

Охранник указал на дверь кабинета заведующей. Марк легонько постучал и, услышав приглашение войти, открыл дверь. Возле большого незашторенного окна стоял подковообразный стол, за которым сидела миловидная, но уже немолодая женщина в белом халате. За окном открывалась панорама атриума торгового центра. Прежде чем взглянуть на посетителя, она ещё несколько секунд продолжила набор на клавиатуре, затем щёлкнула мышью компьютера и посмотрела на Марка.

– Простите, мне необходимо было допечатать текст, – сказала заведующая, улыбаясь, и жестом пригласила сесть в кресло, – пожалуйста.

Открытый взгляд, светлая улыбка, приятный женственный голос располагали. Марк невольно в ответ улыбнулся и сказал:

– Ольга Александровна, у старого больного человека разболелась голова, а в вашей аптеке некому продать ему лекарство.

– Некому? – удивилась она и быстро вышла из-за стола. – Наташа, видимо, отошла. Сейчас я всё сделаю, пойдёмте.

Выйдя в зал, она быстро подошла к кассе и, увидев, что кроме Светланы и Марка никого в зале нет, улыбнувшись, сказала:

– Вам грешно выдавать себя за старого больного человека. Вы уже выбрали лекарство?

– Да, – ответил Марк, протягивая разорванную упаковку.

Расплатившись, он попросил:

– Не могли бы вы дать мне немного воды – запить лекарство?

– Да, конечно, сейчас принесу, – ответила заведующая и прошла в служебное помещение.

Через минуту она вышла с пластмассовым стаканчиком в руке и с улыбкой протянула его Марку:

– Пожалуйста.

«А она симпатичная, – подумал он, – в ней что-то есть... наверно, заботливая».

Тем временем Светлана ходила между стеллажами. Взяв с полки упаковку лекарственных трав, она обратилась к заведующей:

– Вы могли бы проконсультировать меня по поводу этого препарата?

– Да, конечно, – ответила та и подошла к Светлане.

Марк наблюдал, как заведующая объясняла действие препарата и в конце сказала:

– В вашем случае это вряд ли понадобится.

Затем она обратилась к Марку:

– Если боль сильная, вы можете посидеть в кресле у меня в кабинете. В зале, к сожалению, нет такой возможности.

– Спасибо, я, пожалуй, воспользуюсь вашим гостеприимством.

Светлана подошла к Марку:

– Я буду в соседнем магазине, – она указала пальцем направление, куда следует идти, выйдя из аптеки, – но лучше позвони, когда боль пройдет.

– Хорошо.

Марк прошёл в кабинет и сел в кресло. Головная боль подкрадывалась. Симптомы её приближения были ему хорошо знакомы. Лекарство могло остановить наступление боли, но ждать этого, сидя в кресле, нужды никакой не было. Ему захотелось пообщаться с миловидной заведующей, но объяснить, почему вдруг возникло такое желание, он сам бы не смог. Ольга явно не относилась к той категории женщин, которые сменялись в его жизни в последние годы. Прежде всего она была заметно старше их, да и критерии, которыми он руководствовался при выборе очередной пассии, чаще всего ограничивались внешними данными, а сейчас они были

неуместны. Но что-то в Ольге привлекало. В ней было обаяние: в голосе, в улыбке, в мягкой манере ведения разговора. Марк смутно почувствовал что-то забытое, притягательное, материнское.

Вопреки его ожиданию заведующая осталась в зале. Появилась сотрудница Наташа, и Ольга попросила помочь ей посчитать остатки лекарств на одном из стеллажей. Наташа стала перебирать упаковки, Ольга – записывать.

Семь минут ожидания показались Марку пыткой. Он уже собирался встать с кресла, когда в кабинет вошла Ольга и, одарив его улыбкой, прошла мимо к столу и принялась щёлкать мышью компьютера.

– Болеутоляющие обычно действуют в течение десяти-пятнадцати минут. Скоро боль у вас должна пройти, – сказала она, глядя на монитор.

– Я вас не задерживаю? – спросил Марк.

– Нет, можете не беспокоиться.

– Похоже, домой вы не торопитесь.

Ольга оторвала взгляд от компьютера, внимательно посмотрела на него, выдержала небольшую паузу и ответила, уходя от сути вопроса:

– В конце квартала подводятся итоги, в это время обычно приходится задерживаться.

– Вы наверняка любите свою работу.

– Я её знаю, – ответила она, не отрываясь от экрана.

– Отдаёте её полностью? – продолжал он напирать.

Ольга окончательно оставила компьютер, убрала руку с мыши, чуть повернула кресло, установив его против кресла Марка, и нарочито подчёркнуто произнесла:

– Есть и другие интересы.

– Конечно, у такой привлекательной женщины должны быть другие интересы.

– Послушайте, по-моему, ваша спутница заждалась вас.

Марк решил слукавить:

– У дочери хватит терпения меня подождать.

По лицу Ольги скользнула еле заметная улыбка.

– Я, кажется, уловил вашу иронию, – сказал Марк.

– Что вы! С клиентами это непозволительно.

– Однако вы себе это позволили.

– Мне кажется, головная боль у вас уже прошла.

– Просто любопытно, по каким признакам вы определили, что Светлана не моя дочь?

– Простите, мне нет никакого дела до вашей личной жизни.

– Я могу тоже проявить проницательность и, например, сказать, что вы не замужем.

– Удивительная проницательность! Кто б мог догадаться, глядя на мои руки!

– Дело не в том, что у вас нет обручального кольца, а в том, что вы старательно пытаетесь скрыть (и вам это почти удаётся) ваш интерес ко мне.

– Что?.. – Ольга сделала круглые глаза и усмехнулась. – Ну, вы нахал!.. Самонадеянный нахал!

– Я неточно выразился. На самом деле подразумевал не себя конкретно, а вообще мужчину. Мне просто сегодня выпало счастье быть у вас на виду. Здесь важен не сам проявленный интерес, а попытка скрыть его. Это свойственно именно незамужним женщинам. Замужние, за редким исключением, так себя не ведут.

– Вы психолог?

– Я юрист.

– Вам не приходило в голову, что ваши тонкие наблюдения и психологические анализы, тем более выводы, могут быть ошибочны?

– Возможно. Вы замечаете, у нас с вами уже возникает дискуссия. Мне кажется, мы могли бы продолжить эту беседу в обстановке более располагающей к ней. Что вы на это скажете?

Ольга рассмеялась:

– Да... забавно! Вернее, было бы забавно, если б мы оба были лет на двадцать моложе: мужчина чуть ли не в присутствии своей любовницы назначает незнакомке свидание. В нашей ситуации это выглядит, мягко говоря, комично.

– Пусть, но почему бы нам с вами не посидеть где-нибудь? У вас будет возможность убедить меня в ошибочности моих утверждений. Уж больно мне понравилось ваше общество.

– У вас есть кому потакать вашим прихотям. Кстати, вот и она, машет ручкой.

За стеклом стояла Светлана и жестом звала Марка выйти к ней. Судя по пакетам и довольной улыбке, шопинг удался.

– Жаль, – сказал Марк, поднимаясь с кресла, – я надеюсь, представится случай продолжить нашу беседу.

– Разве что у вас опять заболит голова в нашей аптеке.

– Приятно было познакомиться с вами, Ольга Александровна. Я, кажется, не представился: Марк Львович.

– Очень приятно, Марк Львович. Будьте счастливы!

– Вы тоже. До свидания.

– До свидания.

В то утро перед выходом на работу Марк побрился, позавтракал, оделся и уже в дверях вспомнил, что магнитный пропуск для выезда со стоянки остался в другом костюме. Он вернулся в спальню, открыл дверь гардероба и стал доставать его из кармана пиджака. Но пропуск неожиданно предательски выскользнул из руки, полетел вниз и затерялся между коробками с обувью, лежащими на полу гардероба. Марк чертыхнулся, нагнулся и начал перебирать коробки, как вдруг отчётливо услышал резкий хруст в пояснице. Он попытался выпрямиться, но не смог – адская боль заставила его оставаться в согнутом состоянии и замереть. Малейшее движение причиняло боль. Он стал упираться одной рукой в стенку гардероба, вторая прижала несколько костюмов к другой стенке. Положение сложилось незавидное. Марк застыл на несколько минут, чтобы собраться с духом и начать в такой г-образной позе медленно продвигаться к постели. Это был не первый случай, и он знал, что боль будет усиливаться. Нужно было добраться до кровати и позвонить в страховую компанию. Хорошо, что мобильник оказался в кармане, подумал Марк. В данной ситуации это было действительно важно, поскольку дойти в таком состоянии до столика в прихожей, на котором он имел обыкновение оставлять телефон, стало бы пыткой. Преодолевая острую боль, он начал осторожно передвигаться, хватаясь руками за двери гардероба. Костюмы с плечиками рухнули вниз. Марк кое-как доковылял до кровати и лёг, свернувшись клубочком. В таком положении ему становилось чуть легче. Перебивая боль, ему удалось снять пиджак, достать телефон и бумажник, где хранилась карточка страховой компании. Он вызвал врача и позвонил на работу, предупредив директора юридической службы о случившемся. Оставалось пройти самое тяжелое испытание. Предстояло не только добраться ему до входной двери, но пройти за ней ещё четыре метра до двери возле лифта, чтобы встретить врачей скорой помощи. Про последний участок пути Марк думал с ужасом – вдруг его, такого немого и беспомощного, увидит кто-то из соседей. Это ему представлялось страшнее всякой боли.

Когда в дверь позвонили медики, Марк дотянулся до компьютерного кресла, подкатил его к себе и, чуть не потеряв сознание от острой боли, свалился в него. Отталкиваясь ногами от пола, он докатился до входной двери. Слава богу, врачи оказались за ней. Видимо, кто-то их пропустил возле лифта.

От госпитализации Марк отказался. Ему сделали инъекцию ксефокама и назначили медсестру для продолжения уколов в течение десяти дней. Это обезболивающее и противовоспалительное средство, упаковку которого он всегда хранил в своей аптечке, ему помогало. Марк знал, что после инъекции боль должна стихнуть на несколько часов, что позволит ему кое-как передвигаться по квартире и не умереть с голоду.

Вечером второго дня Марк неожиданно обнаружил, что лекарство закончилось. Он начал припоминать, что хранящаяся у него ещё с прошлого подобного обострения упаковка была на три четверти пуста. Медсестра приходила делать уколы в девять утра и в десять вечера. Вечерняя инъекция была особенно важна, она позволяла немного поспать. Боль не отпускала, и он понимал, что без лекарства не заснёт. До прихода медсестры оставалось чуть больше часа, но сходить в аптеку он, разумеется, был не в состоянии. Оптимальное решение проблемы в сложившейся ситуации – позвонить медсестре и попросить купить по пути лекарство. Но её телефон почему-то оказался выключен. Марк тщетно пытался до неё дозвониться в течение пятнадцати минут – медсестра была недоступна. Он решил заказать доставку лекарства по телефону. Поисковая система выдала ему кучу адресов, но в ближайших аптеках ксефокам был только в таблетках. Это его не устраивало, поскольку таблетки не оказывали эффективного действия. В других аптеках доставку обещали в лучшем случае только завтра утром до одиннадцати часов. Перспектива всю ночь мучиться от боли становилась угрожающей реальностью. Оставалось найти медсестру и попросить её съездить в аптеку. Хоть и неловко обращаться с поручением, выполнение которого займёт не меньше часа, но за дополнительную плату она, скорее всего, согласится. Конечно, лучше купить лекарство до прихода медсестры, но кто это может сделать? К кому можно обратиться с такой просьбой?

Был только один человек, кого Марк мог попросить об этом, – Игорь, старый институтский друг. Стоило позвонить ему – и вопрос был бы решён. Но Марк не хотел обременять друга. У Игоря семья, внук маленький, да и жил он на другом конце города. А что, если позвонить Светлане? Действительно, подумал Марк, почему бы ей не проявить элементарную заботу о нём и не сходить за лекарством? Конечно, не хотелось бы предстать перед ней немощным, но, в конце концов, с кем не бывает? Даже у молодых порой спину прихватывает.

Звонку Марка в будний день Светлана сильно удивилась. Обычно он звонил ей в пятницу вечером или в субботу. Узнав о том, что он болеет, девушка растерялась:

– Тебе что... помощь нужна? – её интонация выдавала испуг.

– Ну что ты, Светик! Просто звоню предупредить, что ввиду непредвиденных обстоятельств наш интим переносится на следующую неделю. Не скучай!

– Ладно, выздоравливай.

Чуть подумав, вернее, не очень подумав, он позвонил Оксане.

– Привет, детка!

– Привет, Марк! Соскучился?

– Разумеется, только вот пока не в форме, скрутил меня радикулит.

– А что звонишь?

«Хороший вопрос», – усмехнулся про себя Марк.

– Скучно одному второй день дома. В нашей суетной жизни не находим время для общения с друзьями. Вот, тебя вспомнил. Замуж не вышла?

– Да за кого? Вот скажи мне Марк, почему все мужики, за исключением, конечно, тебя, просто козлы?

– Ну, почему? Среди них и козы попадают.

– Ха! – ухмыльнулась Оксана, – попадают. Развелось столько, что не за кого замуж выходить.

– С твоими данными переживать не стоит.

– Вот именно. Вижу, как штаны у мужиков вздуваются. Все одним миром мазаны. Правда... есть один парень, Марк, хороший парень, но... жена, ребёнок. Может, отбить его у жены?

– Ты совета спрашиваешь?

– Ну... да.

– Я действительно думаю, что ты найдёшь свое счастье. А парня оставь в покое.

– Эх!.. Марк, – вздохнула Оксана, – мне с вами скучно, мне с вами спать хочется. Ладно, целую в грудь!

– Пока.

Отправлять медсестру на ночь глядя за лекарством Марку всё же не хотелось. Оставался последний вариант – попросить Игоря. Но прежде чем он на это решился, раздался телефонный звонок. Марк почему-то подумал, что это медсестра, что она видела его звонки и сейчас перезванивает. Он даже не взглянул на экран телефона, схватил трубку и в ажитации чуть не выронил её:

– Алё!

– Марк Львович, здравствуйте! Это Левон.

Голос в трубке прозвучал неожиданно, словно бесцеремонно ворвался в создавшуюся непростую ситуацию и показался Марку совершенно некстати. Но он тепло относился к парню и сумел на короткое время отвлечься от своей проблемы:

– Здравствуй, Левон! Рад тебя слышать!

– Как вы поживаете?

– В целом неплохо. Как твои дела?

– Всё хорошо, много заказов, а это, как вы догадываетесь, помогает жить.

– Замечательно, я рад.

– Марк Львович, я приготовил для вас сюрприз.

– Что за сюрприз?

– Покажу. Хочу пригласить вас послезавтра к нам домой на ужин.

– Спасибо, дорогой, но, к сожалению, прийти не смогу. Я сейчас нетранспортабельный.

– Что такое? Почему?

– По-научному это остеохондроз пояснично-крестцового отдела позвоночника, проще – радикулит. Второй день мучаюсь, лежу дома.

– Вот как! Понятно. Кто-нибудь ухаживает за вами?

– Ну... особой необходимости нет... послезавтра должна быть домработница. Она по субботам приходит.

– Я всё понял. Марк Львович, мы с женой максимум через час будем у вас. Вы только скажите, нужны ли лекарства? Продукты мы привезём.

– Левон, стоит ли?... и потом... у меня такой беспорядок... я не знаю...

– Я знаю, Марк Львович, стоит. Вы не сказали, нужны ли лекарства?

– Левон, мне, право, неловко...

– Марк Львович, мы всё равно приедем.

– Ну... ладно, называется ксефокам, только для инъекций. Продукты есть, не беспокойся, пожалуйста.

Медсестра пришла за пять минут до прихода Левона и Гаянэ. Телефон у неё был разряжен. Сюрпризом оказался написанный Левоном портрет Марка за шахматной доской. Марк узнал себя с трудом. Картина была выполнена в стиле, который, похоже, совмещал импрессионизм с абстракционизмом.

– Мне явно не хватает знаний в этой области, чтобы по достоинству оценить твой талант. Я покажу моему приятелю. Он знаток, – сказал Марк, затем обратился к жене Левона: – Гая, спасибо большое, было очень вкусно. Давно не ел толму с виноградными листьями.

– Толма ещё осталась, я положу её в холодильник. Можете потом подогреть.

– Спасибо, Гая!

Когда жена вышла из комнаты, Левон заговорщически прошептал:

– Марк Львович, если нужно сделать укол, Гая умеет, не стесняйтесь.

– Спасибо, нет необходимости, медсестра приходит два раза в день. С кем же вы Давида Сасунского оставили?

– Свояченица приехала из Еревана.

– Ясно. Скажи, Левон, а как твой больной дядя? Справляешься?

Левон погрузился:

– Плох, не встает и почти не говорит. Узнаёт только меня. Когда видит, радуется, как ребёнок, протягивает руку, вторая парализована, обнимает меня. Очень его жалко. За ним две сиделки ухаживают. Одна из них – ваша протеже. Слава богу, есть возможность им платить. Я стал больше зарабатывать, сделал несколько крупных заказов. Сегодня, – улыбнулся Левон, – я бы смог оплатить полностью нашу поездку на Бали.

– Я рад за тебя.

– А знаете, Марк Львович, я ведь наброски к вашему портрету делал там, на Бали, тайком от вас. Бывало даже, Гаю просил прикрыть меня, когда рисовал, чтобы вы не заметили, – признался Левон с лукавой улыбкой, словно раскрыл важный секрет.

– И зачем понадобилась такая конспирация? – усмехнулся Марк.

– Ради сегодняшнего сюрприза! – гордо объявил Левон и засмеялся.

– Что ж, спасибо! Сюрприз удался.

Марк с улыбкой смотрел, как бесхитростно смеётся его визави, и не без грусти подумал: «Молод, полон жизненной энергии и, как знать, может, даже талантливый художник. А у меня и племянника нет. Подохну тут, и никто не узнает».

Уже через неделю Марку стало заметно лучше, и он вышел на работу. Боль ещё ощущалась, но он перестал обращать на неё внимание, решил, что надо больше двигаться, жить привычной жизнью, и через несколько дней она исчезла. Он даже возобновил игру в теннис. Пока ещё на закрытых кортах, хотя было уже начало апреля. Весна не спешила.

Ольга ещё на улице увидела Марка, когда он шёл по направлению к торговому центру. Заметив его, она остановилась, потом, поддавшись внезапному внутреннему импульсу, стала ускорять шаг, стараясь не потерять его из виду. На эскалаторе она стояла метрах в четырёх позади Марка. Дойдя до второго этажа, он развернулся и стал подниматься на третий. В какой-то момент они двигались в противоположные стороны и могли увидеть друг друга. У Ольги застучало сердце, она не смотрела на Марка, но боковым зрением видела, что он её не заметил. Дойдя до второго этажа, она по инерции пошла в сторону аптеки, но, пройдя несколько метров, резко развернулась и пошла обратно к эскалатору. Марк уже скрылся из виду. «Боже мой! – думала Ольга, поднимаясь на третий этаж, – вдруг мы сейчас с ним столкнёмся. Он же спросит, что я делаю на третьем этаже, когда аптека на втором!»

Шагнув с эскалатора, она успокоилась – Марка поблизости не оказалось. Интуиция ей подсказывала, что он мог зайти в ближайшее кафе. Подойдя к кафе, она сразу его увидела. Он сидел спиной к ней за столиком возле перил, откуда хорошо обозревался весь атриум торгового центра. Официант принимал заказ. Когда он удалился, Марк стал вытягивать шею и смотреть куда-то вглубь атриума. Он явно пытался что-то увидеть. Подвинув стул ближе к перилам, Марк продолжил своё наблюдение, время от времени вытягивая шею. «Не хватает подзорной

трубы», – внутренне усмехнулась Ольга. Ей стало любопытно, за кем он следит? Неужели за своей Светланой? Ольга подошла ближе к перилам и снова взглянула на Марка. Теперь ей уже был виден его профиль. И вдруг её словно током ударило – он смотрел в сторону аптеки! Отсюда был виден даже стол в её кабинете. В этот момент в кабинет вошла Наташа с бумагами и положила их на стол. Марк дёрнулся и чуть подался вперёд, но, увидев Наташу, снова принял исходное положение. У Ольги перехватило дыхание, часто застучало сердце. Сомнений не оставалось – он тянулся, чтобы увидеть её. «Может, даже наблюдал за мной прежде», – подумала она. Её догадка оказалась недалеко от истины.

Это кафе на третьем этаже торгового центра Марк посещал довольно часто. Здесь неплохо готовили рыбу и морепродукты. Место, удобное тем, что находилось недалеко от его дома – в нескольких минутах ходьбы. Обычно после работы он оставлял машину у себя на подземной парковке и приходил сюда ужинать. Был ещё один ресторан, тоже расположенный поблизости, куда Марк ходил по вечерам, но там он бывал реже.

Четыре дня назад, когда Марк сидел именно за этим столиком, ему на глаза попалась знакомая аптека на втором этаже с противоположной стороны атриума. Он вспомнил, как пару недель назад заботливая заведующая поднесла ему стакан воды, чтобы запить лекарство. Марк смотрел на окно её кабинета, сквозь которое хорошо были видны подковообразный стол и кресло, сидя в котором он общался с миловидной заведующей. За столом никого не оказалось. Пару минут спустя заведующая появилась, но на сей раз не в белом халате, а в красивом, облегающем тело вечернем платье. Она показалась Марку статной и даже высокой, чего нельзя было о ней сказать при первой встрече. Каблуки в сочетании со стройными ножками делают женщину обворожительной. Марк оставил свой столик, прошёл метров двадцать вдоль перил и остановился напротив окна её кабинета. Отсюда он обзирался почти целиком. Ольга ходила до двери и обратно, держа возле уха мобильный телефон. «Да она красавица! – подумал Марк. – Как ей идёт это платье! В таком наряде она явно куда-то собралась». Он хоть и стоял этажом выше, но если бы Ольга в этот момент бросила взгляд в сторону атриума, наверняка увидела бы его. «Что если она меня заметит? – мелькнуло у него в голове. – Тогда я ей помашу рукой. Интересно, как она отреагирует?» Но Ольга не смотрела в его сторону. Завершив разговор, она положила телефон на стол и осталась возле него стоять. «Хороша!.. Ждёт кого-то, – предположил Марк, – интересно, кого?» Не успел он задать себе этот вопрос, как в кабинет, широко улыбаясь, буквально ворвался высокий мужчина с чёрной бородкой, тёмными, зачёсанными назад волосами и тоже при полном параде. На нём был яркий галстук, под распахнутым широким плащом строгий светло-серый костюм, а на ногах коньячного цвета туфли. Мужчина сразу бросился обнимать Ольгу. Целовал он её не в губы, но вёл себя очень напористо, и она была ему явно рада. «Ишь, голубки. Сейчас, наверное, выйдут», – подумал Марк и вернулся к своему столику. Он видел, как Ольга взяла мужчину под руку, как только они вышли из аптеки. «Бойфренд, – решил Марк, – молодой, красивый, как и следовало ожидать».

В следующий вечер Марк пришёл в это кафе и сел за первый попавшийся свободный столик. Кабинет Ольги отсюда едва был виден. Но он уже не собирался наблюдать за ней. Желание приударить за Ольгой, можно сказать, угасло, не успев созреть. Марк, как всякий неглупый человек, знал себе цену. Он был не лишён обаяния, обладал определённой харизмой и умел соблазнять словами. Но тягаться с молодым красавцем не мог, вернее, не стал бы. Марк в свои пятьдесят девять лет хорошо знал, что слишком невелики шансы. В своё время в молодости он сам безжалостно переманивал женщин у соперников старше себя. Особенно легко поддавались женщины «бальзаковского» возраста. Их тяга к молодому, всегда с иголочки одетому начинающему юристу до минимума упрощала задачу. А теперь Марк сознательно заводил необременительные связи с тридцатилетними женщинами, чтобы потом их легко уступить молодым претендентам, как только они появятся на горизонте. Строить серьёзные отношения с кем бы то ни было ему не хотелось – слишком хлопотно.

Марк доедал запечённую дораду, иногда бросая взгляд в сторону аптеки, но уже по инерции, без особого интереса. Он видел Ольгу в белом халате, видел, как она временами исчезала и вновь появлялась в своём кабинете. Марк расплатился и собирался уже встать из-за стола, но вдруг увидел, как в кабинет к Ольге вошёл вчерашний красавец с букетом цветов. Его появление заставило Марка задержаться. На сей раз бойфренд, как его мысленно обозвал Марк, обниматься не стал, а лишь преподнёс цветы и поцеловал Ольгу в щёку. Марку даже показалось, что для Ольги этот визит оказался неожиданным, и она не проявила особой радости при виде темноволосого красавца, как в прошлый раз. Во всяком случае, Ольга вела себя сдержанно. Мужчина заметно волновался и что-то с жаром ей объяснял. Говорил он довольно долго. Сначала ходил по кабинету, потом подошёл к ней, взял её за руку, продолжая говорить. Ольга слушала, опустив глаза. Потом она взглянула на него, улыбнулась и что-то ответила. Мужчина покачал головой и неожиданно попытался обнять её, но она рукой его придержала. Они постояли ещё несколько минут друг перед другом. Теперь говорила Ольга. Когда она закончила, он кивнул, слабо улыбнулся и вышел из кабинета.

«Что это было? – Марк задумался. – Размолвка? Расставание? Сегодня бойфренд не выглядел столь уверенным, как вчера. Да и Ольга, похоже, его не очень жаловала. Может, у меня есть шанс?»

На следующий вечер он выбрал удобный для наблюдения столик, но свет в кабинете Ольги был погашен. Он так и не включился – похоже, она в этот день рано ушла с работы.

И вот наступил четвёртый вечер, когда Марк, сидя за «удобным» столиком, пытался увидеть Ольгу, не подозревая, что она сама за ним наблюдает. Он терзался вопросами – что означала увиденная им позавчера сцена? Размолвка любовников? Может, что-то совсем другое? Появится ли вновь так называемый бойфренд? И что он значит для Ольги? Свет в кабинете горел, и это было признаком того, что скоро она появится.

Ольга действительно должна была вернуться. Она отлучилась всего на час – вышла из торгового центра, чтобы пойти в банк, а когда возвращалась, увидела Марка. Подчинившись внутреннему голосу, она пошла за ним и теперь оказалась свидетелем того, как он вытягивает шею, чтобы её увидеть.

Она ещё некоторое время постояла возле перил, глядя на него, потом повернулась и пошла обратно к эскалатору.

Через несколько минут Марк увидел, как Ольга вошла в свой кабинет, сняла плащ, надела белый халат и, подойдя к окну, взялась за ручку свисающего с потолка пластикового стержня и опустила жалюзи, наглухо закрыв окно кабинета. Увидев это, Марк досадливо похлопал глазами, разочарованно вздохнул и задумался: «Может, она так готовится к очередной встрече с бойфрендом? Хотя... мало ли причин может быть у заведующей аптекой для отгораживания своего кабинета от любопытных глаз... вроде моих... гм!» Он усмехнулся, не подозревая, что попал в десятку, тем более что Ольга, опуская жалюзи, на миг взглянула в его сторону. Он этого не заметил, однако желание непременно её увидеть у Марка почему-то обострилось. «Вот закончу ужинать и пойду к ней, – решил он, – зайду и скажу... – тут Марк надолго задумался, – ... что скажу? Скажу, что... Стоп! А что если у неё совещание, и поэтому она закрыла окно, а тут являюсь я и... ха!.. смешно. Нет, нужно прежде убедиться, что она одна в кабинете. Но как проверить, если окно зашторено?»

Поразмыслив, Марк решил в этот вечер не предпринимать активных действий и вернулся домой. В квартире было чисто – результат недавних трудов домработницы Люды, чьи старания Марк ценил и щедро вознаграждал за усердие. Он лёг на диван и включил телевизор, но уже минут через десять выключил его. Взял с полки книгу, открыл её на странице, где была оставлена им закладка, и принялся читать. Через некоторое время обнаружил, что никак не может сосредоточиться, ничего из прочитанного не запомнил. Вернул книгу обратно на полку, включил музыку и стал задумчиво ходить по комнате. Ближе к одиннадцати он принял душ и

решил, против обыкновения, рано лечь спать. Долго ворочался в постели. Всё думал об Ольге и мысленно корил себя за проявленную нерешительность. Далеко за полночь Марк, наконец, заснул после того как принял твердое решение завтра идти на штурм.

На следующий день в час пополудни с огромным букетом роз он вошел в аптеку. Охранник улыбнулся ему как старому знакомому, Наташа с любопытством на него взглянула. Дверь кабинета Ольги была открыта. Марк шагнул через порог и остановился. Увидев его, Ольга встала. Они несколько секунд безмолвно смотрели друг на друга. Лицо её пылало, глаза светились счастьем. Этот её взгляд, эти сияющие глаза он запомнил на всю жизнь. Они не просто прогнали все тревоги, но неожиданно ввели его в ступор. Марк потерял дар речи, чего с ним ни разу не случалось. Он заранее приготовил фразы, которые должны были хоть как-то смягчить неудачу в случае провала предпринятого штурма. Но сейчас душа Марка парила, и он, наконец, выдохнул:

– У меня опять разболелась голова в вашей аптеке.

Ольга вышла из-за стола, подошла к нему, улыбаясь, приняла букет и сказала:

– Спасибо! Подождите, пожалуйста, в кафе напротив, я через пять минут выйду к вам.

– Хорошо, – сказал он, счастливо улыбаясь, и вышел.

Сидя за столиком, Марк видел, как Ольга быстрым шагом переходила мостик, соединяющий противоположные стороны атриума. Когда она подошла, он спросил:

– Оля, вы пообедаете со мной?

– К сожалению, не имею возможности, должен подъехать поставщик с большой партией лекарств. Простите, пожалуйста. Марк, это мой адрес, – сказала она, оставляя на столе небольшой листок бумаги, – я буду дома в половине десятого. Вы придёте?

– Приду.

– Я буду ждать.

– Я приду! – повторил Марк с волнением.

– До встречи.

Ольга ещё раз обдала его ласковым взглядом и пошла обратно.

Марк был оглушён обрушившимся на него счастьем и заворожённо смотрел ей вслед. Какой неожиданный поворот... «Как она мягко произнесла моё имя! – думал он, – какая решительность в этой хрупкой женщине! а какое лицо! сама женственность!» Когда подошёл официант и спросил про заказ, он сидел словно онемевший.

– Да, да, – ответил Марк и взял в руки меню, после того как официант повторил свой вопрос.

Ольга была дома уже в семь вечера. Ей надо было подготовиться к приходу гостя – приготовить ужин, принять душ и приодеться. В девять тридцать она уже стояла возле входной двери, ожидая звонка домофона. Хотя Марк и выехал с большим запасом времени, но проклятый московский трафик вынудил его опоздать на пятнадцать минут. Когда Ольга открыла ему дверь, он сказал:

– Я опоздал.

– У меня хватило терпения вас подождать.

Марк достал из пакета вино и коробку конфет.

– Спасибо! Снимайте плащ и проходите, пожалуйста.

Он прошёл в комнату, бегло осмотрелся и снова направил свой взор на Ольгу. Она была в чёрном облегающем платье чуть выше колен и тёмных лакированных туфлях на каблуках.

– Вы словно изучаете меня, – сказала она, смутившись.

– Я люблюсь.

– Ну... и... как? – спросила она, чуть разведя руками.

Марк подошёл ближе, почувствовал её волнение, обнял её и тихо сказал:

– Ты божественна!

– Нравлюсь? – спросила она шёпотом.

Марк припал к её губам и долго не отпускал Ольгу. Когда губы разомкнулись, она прошептала:

– Ужин...

– Я не голоден.

– Тогда ещё... – сказала она, подставляя губы.

Ольга взяла его за руку и повела в спальню.

В их слиянии присутствовала та редкая обжигающая страсть, в которой участвуют не только тела, но и души.

Она лежала, прижавшись щекой к его груди. Марк держал её руку в своей. Ольга тихо прошептала:

– Боже, как хорошо! Спасибо...

– Кому спасибо?

– Господу.

– А мне? – он улыбался.

– И тебе, конечно! – она приблизила его руку к своим губам.

– Скажи, почему ты не замужем? Это удивительно. Мне кажется, к тебе должны свататься толпы мужчин.

– Ошибаешься, их практически нет.

– Даже не верится.

– Те немногие, что делали робкие попытки, были настолько неуклюжи и неискренни, что приходилось корректно отказывать. Теперь уже поздно – мне сорок три.

– Неужели? Это не много.

– От кого я слышу! – Ольга подняла на него глаза.

– Оля, я хочу, чтобы ты знала, я не бабник. И потом, мне уже пятьдесят девять.

– Разве это возраст для мужчины?! – сказала она и спросила: – А дети есть?

– Нет, детей нет. А у тебя?

– Дочь. Ей двадцать два года. Представляешь, за год до окончания университета вышла замуж и уехала в Нью-Йорк. Там, говорят, наш диплом не нужен.

– А муж кто?

– Муж неплохой, русский, на двенадцать лет старше, работает в крупной американской компании. Они оба язык знают хорошо. Живут на этом... – она улыбнулась, – Брайтон Бич, я там не была. Говорят, русский Гарлем. Ты был?

– Был. Сама улица уродливая, сверху метро гроыхает, но рядом океан, замечательный воздух. Люди выходят из дому прямо на пляж. Оленька, принесёшь мне водички попить?

– У тебя голова болит? – забеспокоилась она.

– Нет... – Марк рассмеялся, – у меня и тогда она не очень болела.

– Ах, вон оно что! – улыбнулась Ольга.

– Боль подступала, я выпил таблетку. А сейчас просто пить хочу.

Она встала, надела халат и спросила:

– Марк, хочешь, я тебе чай с лимоном принесу?

– Да, чай лучше.

Ольга прошла на кухню, включила чайник, достала стакан, отрезала кусочек лимона и стала ждать, пока вода вскипит. Когда она вошла в спальню с ароматным чаем в руке, Марк, лёжа на боку, уже похрапывал. Ольга поставила стакан с чаем на комод, легла и долго смотрела на спящего рядом мужчину, который волею непостижимой Судьбы оказался в её постели.

Утром Марк проснулся, как обычно, в семь часов. Ольга возилась на кухне. Он быстро оделся и вышел к ней.

– Доброе утро, Оленька!

– Доброе утро, Марк! Хочешь яичницу? Остальное на столе.

Стол ломился от яств.

– Милая, зачем яичница при таком изобилии? Яичницу я ем почти каждое утро, это единственное блюдо, в приготовлении которого я достиг совершенства. Ничего другого не умею. Я подозреваю, всё это в мою честь?

– Ты угадал, я вчера готовилась. Тебе кофе или чай?

– Кофе с молоком, если можно?

– Конечно, дорогой. Я уже знаю, чай ты предпочитаешь пить по ночам, – улыбнулась

Ольга.

– Догадываюсь. Ты принесла чай, а я...

– ... похрапывал, – завершила она.

– Ой, как стыдно!

– Не переживай. По-моему все мужчины храпят. А ты лишь похрапывал, – засмеялась

Ольга, – садись.

– Спасибо, но мне прежде нужно умыться, вот только... как я побреюсь?

– У меня кое-что есть, только не знаю, подойдёт ли... – она проводила Марка в ванную комнату.

После завтрака он спросил:

– Ты не собираешься на работу? Я тебя отвезу.

– Нет, спасибо, я поеду сама, чуть позже.

– Если чуть позже, я могу подождать.

– Ты на работу опоздаешь.

Марк подошёл и обнял её сзади:

– После такой ночи можно и опоздать...

– Да... это была восхитительная ночь! Марк, мне надо знать, скажи...

– Что?

– Тебе понравилось?... то есть... я в постели... у тебя ведь были женщины моложе меня.

– Знаешь, я давно не испытывал такого влечения, такой нежности... Ты превзошла всех.

Я до сих пор чувствую вкус твоих губ.

Он говорил искренне, Ольга это почувствовала. На глазах у неё появились слёзы.

– Ты, пожалуйста, иди без меня, мне надо немножко побыть одной, успокоиться, слишком сильные эмоции. Иди, милый.

Она стала раньше уходить с работы. Марк заезжал за ней, и они ехали к Ольге домой ужинать. Домашняя атмосфера ласкала Марку душу. Всплывало в памяти что-то уютное, забытое. В выходные они ужинали в ресторане. Чаще он водил её в джазовые рестораны, которых в Москве стало немало. В другие дни ходили в театр или в Дом музыки. Марк любил музыку. Дома у него набралась солидная коллекция классики и джаза. В хорошую погоду они выезжали на природу. Однажды поехали в Ясную Поляну, где, как оказалось, Марк ни разу не был, а Ольга – только однажды, будучи ещё школьницей. Однако впечатление осталось не самое лучшее – повсюду их сопровождали толпы людей. «Приезжайте в будний день, – порекомендовала работница музея, – народу будет значительно меньше». На обратном пути Марк рассказал Ольге, как он двадцать лет назад повёз маму по её просьбе в Пушкинские Горы и они замечательно провели там три дня. Мама радовалась, увидев места, которые описал поэт

в романе «Евгений Онегин», – Михайловское, Петровское, Тригорское. И хотя усадьбы эти практически воссозданы заново, однако с таким пиететом к поэту, что в них невольно ощущался его дух. В сочетании с потрясающей красотой окружающей природы это оставило неизгладимое впечатление.

– А мы поедем туда? – спросила Ольга.

– Поедем. И не только туда. Мы поедем в Европу, Америку, Азию... Куда твоя душа пожелает.

– Душа желает послезавтра пойти в театр Петра Фоменко.

– Я позвоню, закажу билеты.

– Не трудись, билеты есть. На сей раз я приглашаю.

– Замечательно! Люблю инициативных женщин.

– Ты всё ещё употребляешь множественное число?

– Я сейчас докажу, что ты у меня единственная.

Марк остановил машину на обочине и кинулся обнимать Ольгу. Она, смеясь, придерживала его руками:

– Перестань, люди же смотрят.

– Ладно, потерплю до ночи. А ночью докажу тебе глубоко и проникновенно!

– Марк, ты как мальчик, – смеялась Ольга.

На спектакль могли опоздать – застряли в пробке. До светофора, на котором следовало по стрелке повернуть направо, оставалось метров сто. Но впереди произошла авария, породившая жуткий затор. К тому же стрелка включалась с большими перерывами. Они стояли уже минут двадцать. Марк нервничал. Справа узкая дорога уходила во дворы. Он решил объехать пробку через дворы и повернул направо. Народ смекнул, что этот, который повернул во дворы, самый умный, и за Марком одна за другой поехали машины. Однако метров через сто дорога привела к старому двухэтажному дому с колоннами и разбитой перед ним клумбой, где и закончилась. Марк чертыхнулся, объехал клумбу и остановился перед вереницей машин, которая следовала за ним. Дорога хоть и была двусторонней, но вдоль неё стояли припаркованные автомобили, не позволяющие разъехаться в обе стороны. Из цепочки машин образовалась петля, позволяющая теперь выбираться обратно только задним ходом.

– Похоже, приехали! – Марк нахмурился.

– Похоже, Иван Сусанин! – Ольга смеялась.

– Да, смешно! Только мы теперь отсюда не выберемся при такой пробке.

Через пару минут водители начали выходить из машин и оглядываться. Среди них молодой парень стал возмущаться:

– Полный тряндец! Что за мудак сюда завернул?

Ольга улыбнулась:

– Кажется, это о тебе. Может, представишься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.